М. ПАВЛОВИЧЪ
(Мих. Вельтманъ).

АЗІЯ

И ЕЯ РОЛЬ ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ.

Изданіе газеты „НОВАЯ ЖИЗНЬ" Петербургъ.
1918

Типо-Литографія „Ш. БУССЕЛЬ“ Лиговская 117.

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣсколько словъ о роли металлургической промышленности въ современныхъ международныхъ конфликтахъ.

Древняя греческая легенда разсказываетъ намъ о походѣ аргонавтовъ, миѳическихъ героевъ, которые отправились на кораблѣ „Арго“ подъ предводительствомъ Язона за золотымъ руномъ (шерсть золотого барана), оберегаемымъ страшнымъ дракономъ, и похитили это руно съ помощью волшебницы Медеи, дочери Эта, царя Колхиды. Поэты воспѣвали это сказочное путешествіе и видѣли въ немъ символъ вѣчнаго стремленія человѣчества къ недоступному солнцу. Однако, явились прозаическіе историки и безжалостные филологи и вскрыли истинную, реальную подоплеку геройской экспедиціи. Аргонавты рисковали своей жизнью не въ погонѣ за солнечными лучами, за безсмертнымъ идеаломъ истины и красоты. Они попросту искали золото и, промывая золотой песокъ, пропускали его черезъ овечью шерсть. Золотыя крупинки собирались на шерсти, и такимъ образомъ послѣдняя превращалась какъ бы въ одно сплошное золотое руно. Этотъ способъ добыванія золота сохранился до

сихъ поръ у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ.

И когда мы нынѣ въ примѣненіи ко многимъ прошлымъ и современнымъ историческимъ событіямъ, къ экспедиціямъ европейцевъ въ Азію или Африку, къ постройкѣ грандіозныхъ рельсовыхъ путей отъ Капштадта до Каира или отъ Гамбурга до Багдада и великихъ каналовъ, въ родѣ Панамскаго, подготовляющихъ гегемонію той или другой державы въ данной части земного шара, или, наконецъ, къ кровавымъ конфликтамъ, бросающимъ другъ противъ друга милліоны людей, слышимъ всѣ эти красивыя фразы объ идеалахъ, о вѣчномъ стремленіи къ недосягаемому солнцу, о борьбѣ за высшую культуру, цивилизацію, національную свободу, независимость, о священной войнѣ съ дерзкими насильниками и т. д., мы должны вскрыть реальную сущность этихъ легендъ, какъ вскрыты грубая матеріальная подоплека и движущія пружины легендарнаго похода аргонавтовъ въ сказочную Колхиду...

Нынѣшняя война явилась результатомъ невозможности для капиталистическихъ государствъ разрѣшить мирнымъ путемъ цѣлый рядъ проблемъ (вопросовъ), вставшихъ передъ господствующими классами первоклассныхъ державъ какъ въ области европейской, такъ и колоніальной политики. Въ предлагаемой брошюрѣ мы остановимся на проблемѣ международной политики, имѣющей непосредственное отношеніе къ нынѣшней

войнѣ, именно на проблемѣ азіатской и прежде всего малоазіатской, или, иначе говоря, на проблемѣ окончательнаго раздѣла уцѣлѣвшаго наслѣдства Оттоманской имперіи.

Говоря о борьбѣ за Малую Азію, за африканскія территоріи, намъ придется очень много останавливаться на рельсовой политикѣ тѣхъ или другихъ европейскихъ государствъ въ данной области, на борьбѣ за такъ называемыя желѣзнодорожныя концессіи, т.-е. за монопольное разрѣшеніе тому или другому государству проводить рельсовую дорогу на данной территоріи.

Антагонизмъ между современными капиталистическими государствами, противорѣчіе ихъ интересовъ въ области африканскихъ и азіатскихъ вопросовъ, вообще въ области міровой политики нигдѣ не отражается съ такой яркостью, какъ въ борьбѣ за проведеніе тѣхъ или другихъ рельсовыхъ путей, за полученіе тѣхъ или другихъ желѣзнодорожныхъ концессій. Агрессивный характеръ рельсовой политики современныхъ государствъ обусловливается тѣмъ, что эта рельсовая политика диктуется прежде всего интересами металлургической промышленности. Металлургическая же промышленность есть та отрасль капиталистическаго хозяйства, которая менѣе всего мирится съ свободной торговлей. Несмотря на міровой характеръ и интернаціонализацію стальной промышленности, несмотря на существованіе международныхъ стальныхъ трестовъ, синдика-

товъ и т. д., нигдѣ борьба между отдѣльными національными группами, между капиталистами отдѣльныхъ странъ не принимаетъ такой острой формы, какъ именно въ области металлургіи. Дѣло въ томъ, что важнѣйшіе фабрикаты металлургической промышленности, именно локомотивы, вагоны, рельсы, пушки, броненосцы, сбываются на иностранные рынки совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ фабрикаты остальныхъ отраслей промышленности. Такъ, напримѣръ, нѣмецкіе, австрійскіе, американскіе и другіе заводчики имѣютъ возможность сбывать въ Англію и во всѣ ея колоніи безпошлинно сахаръ, химическіе продукты, кожевенныя, стеклянныя издѣлія, фармацевтическіе препараты и т. д., но никогда даже „фритредерская“, т.-е. стоящая за свободу торговли, Англія не позволитъ какому-либо отдѣльному иностранному капиталисту или иностранному синдикату строить желѣзныя дороги въ ея колоніяхъ, воздвигать вокзалы, сооружать желѣзные мосты для даннаго рельсоваго пути и т. д. Болѣе того, фритредерская Англія не только не позволитъ иностраннымъ капиталистамъ строить желѣзныя дороги въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, но и будетъ всѣми силами препятствовать сооруженію иностранными капиталистами рельсовыхъ путей во всѣхъ тѣхъ государствахъ и областяхъ, гдѣ Великобританія имѣетъ какое-либо вліяніе—въ Турціи, Китаѣ, Африкѣ и т. д. И если даже сторонница свободной торговли Англія ведетъ такую протек-

ціонистскую, узко-національную политику въ вопросѣ о желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ ведутъ такую политику другія государства, какъ, напримѣръ, Германія, Россія, Франція и т. д.

Металлургическая индустрія, интересы которой являются движущей пружиной современной рельсовой политики, есть индустрія, гдѣ менѣе всего возможна свобода торговли. Въ области вопросовъ этой рельсовой политики даже фритредерская Англія, Англія мирнаго Манчестера, отступаетъ передъ воинствующимъ Бирмингамомъ, столицей англійской металлургіи, становится подъ знамя агрессивнаго протекціонизма. Здѣсь, въ этой области болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, идетъ, несмотря на всѣ международныя соглашенія, интернаціональные трёсты, синдикаты, картели, борьба не на жизнь, а на смерть, за новые рынки, за концессіи на рельсовые пути, за политическую и экономическую гегемонію, исключающую возможность предоставленія равныхъ правъ другимъ странамъ.

Металлургическая промышленность является идеальнымъ типомъ индустріи, въ которой процессъ интернаціонализаціи капиталовъ, связываніе отдѣльныхъ національныхъ хозяйствъ въ одно гигантское комбинированное цѣлое сопровождается ростомъ самой отчаянной конкуренціи, борьбы не на жизнь, а на смерть, между важнѣйшими національными группами международной буржуазіи, между господствую-

щими классами Германіи, Англіи, Франціи, Россіи, Австро-Венгріи и т. д. Въ металлургической промышленности интернаціональный трестированный капиталъ обостряетъ съ необыкновенной силой противорѣчіе интересовъ капиталистическихъ олигархій вступившихъ въ соглашеніе странъ и, такимъ образомъ, отрицаетъ исходные моменты своей дѣятельности. Вотъ почему перемѣщеніе центра тяжести хозяйственной жизни изъ хлопчатобумажной индустріи синдицированной къ металлургической промышленности представляетъ важнѣйшій фактъ современной эволюціи капитализма и имѣетъ такое значеніе въ обостреніи международныхъ отношеній. Вотъ почему, именно въ рельсовой политикѣ, такъ тѣсно связанной съ интересами металлургіи [1]), международная борьба между господствующими классами различныхъ странъ за монополіи, за гегемонію въ той или другой области достигаетъ наивысшаго напряженія и является главной причиной опаснѣйшихъ международныхъ конфликтовъ, приводящихъ въ конечномъ результатѣ къ вооруженнымъ конфликтамъ и страшнымъ войнамъ.

---

[1]) Вопросъ о роли металлургической промышленности во внѣшней политикѣ современныхъ государствъ развитъ мною болѣе обстоятельно въ книгѣ „Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго“. На роли металлургіи въ нынѣшней войнѣ я останавливаюсь въ подготовляемой къ печати книгѣ: „Что такое имперіализмъ“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Борьба за раздѣлъ Азіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Китайскій вопросъ.

По численности своего населенія азіатскій континентъ почти вдвое превышаетъ континентъ европейскій. Въ то время, какъ въ Европѣ числится приблизительно 440 милліоновъ жителей, въ Азіи насчитывается болѣе 850 милліоновъ душъ. Такимъ образомъ, даже принимая во вниманіе бѣдность жителей этого континента и крайнюю слабость покупательныхъ способностей азіатскаго населенія по сравненію съ европейскимъ, нельзя не видѣть, что азіатскій рынокъ имѣетъ большое значеніе для капиталистическихъ европейскихъ государствъ въ настоящемъ и тѣмъ болѣе въ будущемъ.

Правда, пока азіатскій рынокъ поглощаетъ сравнительно мало товаровъ по сравненію съ европейскимъ, ибо чѣмъ слабѣе развита страна въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ меньшій рынокъ для сбыта индустріальныхъ товаровъ она представляетъ, но все же значеніе азіатскаго рынка быстро растетъ. Слѣдующая таблица показываетъ (въ милліонахъ марокъ), какъ быстро увеличилась внѣшняя торговля азіатскихъ странъ за первые годы нынѣшняго столѣтія:

Страны	1901 г.	1906 г.
Британская Индія	3081	3928
Китай	1376	2294
Японія	1067	1769
Персія	149	251
Итого . .	5673	8242

Итакъ, за первое пятилѣтіе нынѣшняго столѣтія внѣшняя торговля четырехъ указанныхъ выше азіатскихъ странъ увеличилась болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ милліарда марокъ, т.-е. приблизительно на $1^1/_2$ милліарда рублей.

Азіатскій континентъ изобилуетъ неисчерпаемыми естественными богатствами.

Здѣсь произрастаютъ крайне цѣнныя для человѣчества растенія: чай, кофе, рисъ и т. д.; здѣсь воздѣлываются хлопокъ, маисъ, табакъ и т. д.; здѣсь добываются минеральныя богатства: алмазы, золото, серебро, мѣдь, желѣзо и другіе металлы. Не удивительно, что этотъ континентъ давно привлекаетъ къ себѣ взоры европейскихъ государствъ. Англія владѣетъ на азіатскомъ континентѣ самой цѣнной своей колоніей, «жемчужиной въ британской коронѣ», именно Индіей, съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 300 милліоновъ душъ и съ внѣшнимъ торговымъ оборотомъ приблизительно въ 400 милліоновъ рублей, Франція — Индо-Китаемъ, съ населеніемъ въ 16 милліоновъ душъ. Россія владѣетъ безграничной Сибирью, Средней Азіей и т. д.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій борьба изъ-за раздѣла азіатскаго континента приняла особенно острый характеръ. Начало современному періоду въ исторіи борьбы за азіатское наслѣдство было положено появленіемъ на этомъ континентѣ трехъ новыхъ завоевателей: Японіи, устремившейся къ утвержденію своей гегемоніи на территоріяхъ Дальняго Востока, въ Кореѣ, Маньчжуріи и вообще сѣверныхъ областяхъ Китая; Соед. Штатовъ, поста-

вившихъ своей цѣлью усиленіе американскаго вліянія на китайскомъ побережьѣ Тихаго океана, и Германіи Вильгельма II, открывшей пресловутый нѣмецкій «Drang nach Osten» (движеніе на Ближній Востокъ) съ цѣлью утвержденія нѣмецкой экономической и политической гегемоніи въ Оттоманской имперіи, преимущественно въ малоазіатскихъ владѣніяхъ послѣдней.

§ 1. Японо-Китайская война 1894—95 г.—Японія и Россія.

Начиная съ революціи 1868 г., покончившей съ шогунатомъ, этимъ пережиткомъ стараго феодальнаго строя, Японія начинаетъ преобразовываться на европейскій ладъ и пріобщаться къ европейской культурѣ. Бывшая только недавно исключительно земледѣльческимъ государствомъ, Японія быстро превращается въ капиталистическую страну. Жившая до сихъ поръ замкнутой жизнью, Японія послѣ революціи 1868 г. подписываетъ торговые договоры съ иностранными государствами, открываетъ цѣлый рядъ портовъ для внѣшней торговли и вступаетъ въ болѣе или менѣе оживленныя сношенія съ Америкой и Европой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Японія начинаетъ зорко слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается на азіатскомъ континентѣ, особенно въ сосѣдней Кореѣ, которую Японія пытается подчинить своему экономическому вліянію. Между тѣмъ усиленіе русскаго вліянія на всемъ азіатскомъ континентѣ, постепенное занятіе русскими острова Сахалина и окончательное присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ въ 1875 г. этого острова, расположеннаго недалеко отъ японскихъ береговъ, вызываетъ сильную тревогу въ высшихъ кругахъ японскаго общества. Въ Японіи создается цѣлая литература, стремящаяся укрѣпить въ народныхъ массахъ сознаніе грозной опасности, надвигающейся на страну со стороны «Китано-Васи»—сѣвернаго орла, воз-

душнаго хищника, который, по выраженію японскаго поэта Токо Фуджито, собиралъ въ своихъ когтяхъ одно царство за другимъ и скоро опустится надъ страной Восходящаго Солнца. Поэты, публицисты призывали народъ и правительство готовиться къ великой оборонительной войнѣ, дабы не сдѣлаться рабами «сѣверной сосѣдки». Одновременно японская литература и пресса расписывали богатство Китая и подчеркивали значеніе китайской провинціи Кореи въ качествѣ области, овладѣніе которой обезпечило бы де Японію отъ всякой опасности со стороны русскаго хищника.

Японское правительство очень удачно пользуется агрессивной политикой Россіи и страхомъ японцевъ передъ сѣвернымъ хищникомъ, чтобы воспитывать въ населеніи націоналистическія чувства и подготовлять почву для осуществленія своихъ имперіалистическихъ плановъ. Эти планы правительство микадо ярко обнаружило въ японо-китайской войнѣ 1894—1895 г., закончившейся разгромомъ Китая и знаменитымъ Симоносекскимъ договоромъ 17 апрѣля 1895 г. Китай долженъ былъ признать независимость Кореи и уступить, кромѣ того, Ляодунскій полуостровъ вмѣстѣ съ Портъ-Артуромъ и Дальнимъ и уплатить громадную военную контрибуцію.

Японо-китайская война 1894—1895 г. открыла эру новыхъ историческихъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Неожиданно европейскія правительства увидѣли, что рядомъ съ экономически отсталой и слабой Срединной Имперіей создалось въ лицѣ Японіи могучее военное государство, которое стремится утвердить свою гегемонію надъ сосѣдней 400-милліонной страной и отнять у капиталистической Европы одинъ изъ ея важнѣйшихъ азіатскихъ рынковъ. Вся буржуазная европейская пресса рѣзко осудила «чрезмѣрныя» требованія Японіи и подчеркивала опасность, грозящую европейскимъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ со стороны этого неожиданно появившагося серьезнаго соперника и конкурента цивилизованнымъ

государствамъ. Многіе писатели стали распространяться на тему о «желтой опасности», которая встанетъ-де передъ Европой, когда Японія окончательно подчинитъ себѣ Китай и, организовавъ 400-милліонную страну, а затѣмъ весь желтый міръ, двинетъ на европейскій континентъ несмѣтные милліоны завоевателей. Появились даже романы и другія беллетристическія произведенія на тему о страшной катастрофѣ, надвигающейся на Европу со стороны желтаго міра, и самъ Вильгельмъ II нарисовалъ нашумѣвшую въ тотъ моментъ картину, изображавшую всѣ европейскія государства, объединившіяся съ оружіемъ въ рукахъ во главѣ съ Германіей для отпора желтолицему варвару, собирающемуся предать огню и пожару христіанскую и цивилизованную Европу, очагъ культуры и прогресса. Само собой разумѣется, что вся эта кампанія велась съ цѣлью подготовить народныя массы къ новымъ авантюрамъ и внушить имъ идею объ оборонительномъ характерѣ тѣхъ энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій, которыя европейскія правительства собирались начать на Дальнемъ Востокѣ.

Начало этому энергичному наступленію капиталистическихъ государствъ на слабый Китай было положено нотой, которую Россія, Франція и Германія предъявили 23 апрѣля 1895 г. японскому правительству по поводу условій мира, навязанныхъ побѣдоносной страной микадо разгромленному Китаю. Вотъ что сказано, между прочимъ, въ этой нотѣ:

«Окончательное занятіе Ляодунскаго полуострова вмѣстѣ съ Портъ-Артуромъ будетъ служить постоянной угрозой по отношенію къ Китаю и будетъ препятствовать независимости Кореи; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно будетъ являться источникомъ безпрерывныхъ волненій на Дальнемъ Востокѣ. Въ интересахъ мира и прежде всего въ интересахъ Японіи желательно положить предѣлъ этому неудобному состоянію».

Какъ мы видимъ, судя по нотѣ, можно было заклю-

чить, что европейскія правительства преслѣдуютъ самыя благородныя цѣли и заботятся лишь объ интересахъ сохраненія мира. Но извѣстна истина, что «языкъ данъ дипломатамъ для того, чтобы скрывать свои мысли». Если европейскія правительства не желали допустить усиленія японскаго вліянія въ Китаѣ и рѣшили помѣшать правительству микадо воспользоваться плодами побѣдъ японской арміи, европейскіе завоеватели дѣйствовали такъ потому, что имѣли въ виду отхватить на свою долю большую часть китайскаго пирога. И это обнаружилось тотчасъ же даже въ тотъ моментъ, когда Японія, не имѣвшая силъ бороться съ русско-германо-французской коалиціей, согласилась уступить ультиматуму трехъ могучихъ державъ и отказаться отъ Портъ-Артура, согласно требованію, категорически изложенному въ упомянутой нотѣ отъ 23 апрѣля 1895 г. Такъ, когда во время вторичныхъ переговоровъ Японіи съ Китаемъ объ окончательныхъ условіяхъ мира японскіе делегаты, отказавшіеся отъ Портъ-Артура, потребовали у китайскаго Ли-Хун-Чанга включенія въ договоръ пункта, по которому Китай обязуется никогда не уступать Портъ-Артура какой-либо третьей державѣ, Ли-Хун-Чангъ, по настоянію русскихъ дипломатовъ, отказался принять этотъ пунктъ. Россія грозила Китайскому правительству, что если послѣднее свяжетъ себя подобнымъ обязательствомъ, она оставитъ Китай на произволъ судьбы, во власть побѣдителя, а затѣмъ будетъ защищать свои интересы собственными силами и прерветъ дружескія отношенія съ Китаемъ.

§ 2. Японо-германскій конфликтъ.—Германія въ Шантунгѣ.—Имперіалистическіе планы Японіи.—Китайскія перспективы.

Не только Россія воспользовалась Японо-Китайской войной 1894—1895 г., чтобы отнять у ослабленнаго Китая въ награду за мнимую помощь противъ Японіи часть Китайской территоріи, 14 (27) марта 1898 года Россія по-

лучила въ аренду на 99 лѣтъ Портъ-Артуръ и Таліенванъ; за недѣлю до того 6 (19) марта Германія на тѣхъ же условіяхъ получила отъ Китайскаго правительства право оккупировать крайне важную китайскую область Кіао-Чао со столицей Циндао протяженіемъ въ 552 кв. километра, съ населеніемъ въ 169.000 жителей. Обѣ державы — и Россія, и Германія—дѣйствовали въ этотъ періодъ дружно на Дальнемъ Востокѣ и совмѣстно добивались для себя реальныхъ льготъ и привилегій въ Китаѣ, при чемъ Германія толкала Россію къ дальне-восточнымъ окраинамъ именно для того, чтобы отвлечь вниманіе русскаго колосса отъ Ближняго Востока и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабить военныя силы Россіи на европейской границѣ.

За свою политику на Дальнемъ Востокѣ Россія поплатилась русско-японской войной. Но эта политика не обошлась даромъ и Германіи. Нельзя не видѣть, что въ вопросѣ о направленіи внѣшней политики Японіи въ случаѣ международныхъ осложненій германскіе дипломаты обнаружили поразительную недальновидность. Германскіе дипломаты откровенно спекулировали на военную помощь Японіи противъ Россіи. Между тѣмъ, разъ послѣдняя волей-неволей отказалась отъ плановъ гегемоніи на Дальнемъ Востокѣ и уступила свои позиціи Японіи, правительство микадо не имѣло основанія относиться недружелюбно къ Россіи, тѣмъ болѣе, что наша экономически отсталая страна не могла быть такимъ серьезнымъ конкурентомъ для Японіи на китайскомъ рынкѣ, какимъ являлась и могла явиться въ недалекомъ будущемъ Германія, развивавшая съ поразительной быстротой свою экономическую мощь. Наоборотъ, какъ мы указали выше, Японія была заинтересована въ возстановленіи самыхъ дружескихъ отношеній съ Россіей, во-первыхъ, для «обезпеченія тыла» въ случаѣ войны съ Соед. Штатами, во-вторыхъ, для расширенія экспорта своихъ товаровъ на русскіе рынки.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ китайско-японской войны 1894 г., именно въ войну 1904—1905 г., Японія отняла у Россіи

Портъ-Артуръ и Дальній, полученные нашимъ правительствомъ по договору съ Китаемъ въ мартѣ 1898 г. Воспользовавшись великой войной 1914 г., Японія рѣшила отнять у второго своего соперника на Дальнемъ Востокѣ, именно у Германіи, пріобрѣтенія послѣдней въ томъ же 1898 г. и отомстить, такимъ образомъ, нѣмецкимъ имперіалистамъ за вмѣшательство въ китайско-японскую войну.

2 (15) августа 1914 г. японское правительство предъявило ультиматумъ Германіи, потребовавъ отъ послѣдней передачи Японіи заарендованной китайской области Кіао-Чао для возврата впослѣдствіи этой территоріи Китаю. Само собою разумѣется, что японскіе имперіалисты отнюдь не имѣли въ виду, отобравъ у Германіи Кіао-Чао, вернуть эту провинцію Китаю. Это была обыкновенная дипломатическая ложь, къ которой прибѣгаютъ правительства для прикрытія своихъ завоевательныхъ плановъ. Наоборотъ, японскіе имперіалисты видѣли въ Кіао-Чао крайне лакомый кусочекъ, которымъ необходимо было овладѣть, во что бы то ни стало. Дѣло въ томъ, что, захвативъ въ свои руки въ 1898 г. Кіао-Чао, германское правительство съ присущимъ ему организаціоннымъ талантомъ быстро превратило эту колонію въ превосходную военную и экономическую базу для проникновенія нѣмецкаго вліянія въ Срединную Имперію и прежде всего въ китайскую провинцію Шантунгъ. Въ Циндао былъ созданъ первоклассный военный портъ, германскій Портъ-Артуръ, который, подобно русской крѣпости на Ляодунскомъ полуостровѣ, долженъ былъ играть роль револьвера, направленнаго одновременно и противъ Китая, и противъ Японіи. Здѣсь въ Кіао-Чао были созданы нѣмецкіе банки, сооружены великолѣпные склады нѣмецкихъ товаровъ, проложена отъ порта Циндао до рѣки Гоанго желѣзнодорожная линія длиной въ 394 километра, съ боковой вѣткой въ 39 километровъ. Дорога эта оказалась очень выгодной, и нѣмецкое общество, стоявшее въ ея главѣ, выдавало своимъ акціонерамъ до 6% дивиденда. Всѣ принятыя нѣмцами

мѣры имѣли цѣлью, между прочимъ, отвлечь къ Циндао весь товарооборотъ съ Шантунской провинціей, шедшій раньше черезъ портъ Чифу, которымъ пользовались японцы. И, дѣйствительно, скоро Шантунская провинція совершала фактически почти всю свою торговлю черезъ нѣмецкій Циндао. Это не могло придти по вкусу японской буржуазіи, тѣмъ болѣе, что внѣшняя торговля Шантунга стала быстро развиваться. Въ то время какъ въ 1900 г. внѣшняя торговля черезъ портъ Циндао опредѣлялась всего въ $3^1/_2$ милліона таэлей, въ 1910 г. торговля этого порта равнялась уже 27 милліонамъ таэлей, т.-е. увеличилась почти въ 8 разъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣмецкіе капиталисты и инженеры быстро подняли производительныя силы Шантунгской провинціи. Они создали здѣсь рядъ новыхъ фабрикъ, оборудовали по европейскому образцу бумажную фабрику въ Изинанфу, стеклянную въ Пошанѣ, альбуминную въ Циндао, основали крупную компанію для разработки каменноугольныхъ копей и стали добывать ежегодно до 25 милліоновъ пудовъ угля, вытѣсняя изъ Шантунгской провинціи этимъ мѣстнымъ углемъ привозный японскій уголь. За сравнительно короткій періодъ германскіе капиталисты много сдѣлали для пріобщенія Шантунгской провинціи къ той интенсивной экономической жизни, въ которую рано или поздно будутъ вовлечены всѣ области земного шара; но эта лихорадочная германская дѣятельность не могла не пугать японскихъ имперіалистовъ, которые не безъ тревоги слѣдили за усиленіемъ экономическаго вліянія Германіи въ той странѣ, которую капиталистическая Японія мечтала подчинить своему протекторату.

Германскій ввозъ въ Китай составлялъ въ 1913 году сумму въ 123 милліона марокъ. Германія ввозила въ Китай краски, оружіе и аммуниціи, швейныя иголки, нѣкоторые продукты текстильной промышленности, однимъ словомъ, такіе товары, которые и Японія стремилась ввозить въ Китай въ возможно большемъ количествѣ.

Завоеваніе китайскаго рынка должно быть, съ точки зрѣнія японской буржуазіи, главной цѣлью японскаго имперіализма. Всѣ дѣйствія японской дипломатіи должны быть направлены къ этой основной задачѣ. Японская армія и японскій флотъ должны постоянно стоять на должной высотѣ, чтобы отстаивать уже завоеванныя позиціи въ Китаѣ и пріобрѣсти новыя. Объ этомъ японская пресса говоритъ съ поразительной откровенностью. За нынѣшнее столѣтіе японскій ввозъ въ Китай сильно увеличился.

Согласно японскимъ оффиціальнымъ даннымъ, японскій ввозъ въ Китай составлялъ:

въ 1900 г.	31,9	милліоновъ	іенъ
» 1905 »	98,7	»	»
» 1910 »	109,2	»	»
» 1912 »	142	»	»

Итакъ, за 12 лѣтъ японскій ввозъ въ Китай увеличился почти въ 5 разъ. Эти успѣхи Японіи были достигнуты, главнымъ образомъ, на счетъ англійской и американской торговли въ Китаѣ. Но какъ ни велики успѣхи японской промышленности въ Китаѣ, они ничтожны по сравненію съ задачами, которыя ставитъ передъ собой японская буржуазія. Требованія японскаго имперіализма по отношенію къ Китаю примутъ особенно опасный характеръ въ результатѣ нынѣшней войны. Благодаря этой войнѣ и возможности поставлять въ Россію и другія союзныя страны громадное количество оружія, снарядовъ, химическихъ продуктовъ, хлопчато-бумажныхъ товаровъ и т. д., въ Японіи за время войны возникли тысячи фабрикъ и заводовъ (однѣхъ новыхъ оружейныхъ фабрикъ создалось 1600). По окончаніи войны эти фабрики и заводы, вслѣдствіе значительнаго сокращенія милитаристическаго рынка, должны будутъ закрыться. Японія очутится передъ опасностью серьезнаго экономическаго кризиса, если заблаговременно

не будутъ завоеваны новые рынки. Вся политика нынѣшняго японскаго правительства направлена къ использованію удобнаго международнаго положенія для превращенія Японіи въ могучее континентальное государство на счетъ Китая. Японское правительство заигрываетъ съ Россіей, съ одной стороны, чтобы сохранить и, если возможно, расширить пріобрѣтенный за время войны русскі рынокъ, съ другой стороны, чтобы, обезпечивъ себѣ тылъ со стороны Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, при поддержкѣ вчерашняго врага и сегодняшняго союзника осуществить агрессивные японскіе планы на счетъ Китая въ ущербъ торговымъ и политическимъ интересамъ въ Средней Имперіи С. Штатовъ и союзной Англіи, у которой теперь слишкомъ много хлопотъ въ Европѣ, чтобы быть способной отстаивать съ прежней энергіей свои интересы на Дальнемъ Востокѣ.

Но, какъ мы видѣли, прежде, чѣмъ обнаружить свои агрессивные планы по отношенію кь Китаю и поднять знамя открытой борьбы противъ экономическаго и политическаго вліянія не только Соединенныхъ Штатовъ, но и союзныхъ Англіи, Франціи, Бельгіи въ Срединной Имперіи, японское правительство, прикрываясь, какъ это принято, принципами справедливости, цивилизаціи, прогресса, рѣшило отнять у Германіи область Кіао-Чао, якобы для передачи этой области Китаю. Здѣсь, кстати, напомнимъ, что по Портсмутскому договору, подписанному болѣе 10 лѣтъ назадъ, Японія обязалась очистить отъ японскихъ войскъ Маньчжурію и возвратить ее Китаю. Несмотря на это обязательство, Японія сохранила за собой Маньчжурію. Само собой разумѣется, что Японія никогда не вернетъ добровольно Кіао-Чао Китаю и, наоборотъ, постарается при первомъ удобномъ случаѣ отнять новыя территоріи у слабаго сосѣда.

Великая война 1914 года дала возможность японской буржуазіи освободиться въ лицѣ Германіи отъ одного лишняго соперника на полѣ борьбы за гегемонію въ Сре-

динной Имперіи, и Японія воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы нанести ударъ Германіи и отнять у послѣдней Кіао-Чао съ портомъ Циндао. Какое значеніе германскіе колоніальные круги придавали своей базѣ на Дальнемъ Востокѣ, видно изъ той телеграммы, которую впечатлительный и любящій употреблять сильныя слова Вильгельмъ II послалъ коменданту Циндао, желая внушить послѣднему сознаніе высокой миссіи, лежащей на немъ. «Занятіе Циндао, этой твердыни германской культуры,— телеграфировалъ Вильгельмъ—было бы для меня болѣе тягостно, чѣмъ взятіе русскими Берлина».

Однако, несмотря на упорное сопротивленіе нѣмецкаго гарнизона, Циндао было взято и Японія овладѣла всей заарендованной нѣмцами китайской областью. Само собой разумѣется, что японское правительство и не подумало вернуть отобранныя его войсками у Германіи области Китаю и на требованія послѣдняго исполнить свое обѣщаніе, данное въ ультиматумѣ 15 августа, отвѣтило отказомъ и угрозой. Болѣе того, 18 января 1915 г. японскій посланникъ въ Пекинѣ вручилъ президенту китайской республики Юаншикаю ноту, въ которой японское правительство предъявило Китаю 31 требованіе, подчиненіе которымъ окончательно утвердило бы гегемонію Японіи въ Срединной Имперіи. Эта нота такъ ярко обнаруживала аппетиты японскихъ имперіалистовъ, съ такой очевидностью обнаруживала желаніе японской буржуазіи воспользоваться войной, вытѣснить изъ Китая всѣхъ конкуррентовъ Японіи, не только Германію и С. Штаты, но также вѣрныхъ союзниковъ Японіи — Англію, Россію, Францію, что эти державы попросили японское правительство умѣрить свои требованія. Въ самомъ дѣлѣ, Японія потребовала, чтобы Китай не заключалъ никакихъ займовъ съ какой бы то ни было державой, не выдавалъ никакихъ концессій кому бы то ни было безъ разрѣшенія Японіи, китайское правительство должно было обязаться приглашать въ качествѣ техническихъ совѣтниковъ лишь японцевъ и т. д. Однимъ

словомъ, это были попытки нанести рѣшительный ударъ вліянію не только С. Штатовъ, но и Франціи, и особенно вѣрной союзницы Японіи Англіи въ Срединной Имперіи. Неудивительно, что, несмотря на войну съ Германіей, японская нота вызвала сильное волненіе въ Англіи и правительство послѣдней оказалось вынужденнымъ потребовать отъ Японіи отказа отъ своихъ чрезмѣрныхъ требованій.

Японская политика по отношенію къ Китаю въ теченіе нынѣшней войны ясно показываетъ, что эта война отнюдь не разрѣшитъ всѣхъ сложныхъ и опасныхъ вопросовъ международной политики. Наоборотъ, война лишь разожгла аппетиты господствующихъ классовъ во всѣхъ воюющихъ государствахъ и уже теперь на горизонтѣ появляются новыя тучи, которыя грозятъ вызвать новую катастрофу, едва кончится нынѣшняя война. Недаромъ буржуазная французская газета «Temps» откровенно писала въ то время, когда десять департаментовъ Франціи были еще заняты нѣмецкой арміей, что первой неотложной задачей по окончанію нынѣщней войны явится разрѣшеніе китайскаго вопроса, т. е. попросту раздѣлъ китайскаго наслѣдства. Таковы ненасытные аппетиты европейскихъ капиталистовъ, которые еще не успѣли подѣлить турецкаго наслѣдства, какъ уже собираются дѣлить мирный, не становящійся никому поперекъ дороги Китай.

§ 3. Соединенные Штаты и Китай.—Японо-Китайскій конфликтъ.

Какъ мы видѣли выше, китайскій вопросъ, проблема раздѣла Срединной имперіи вызвала за послѣднія 20 лѣтъ три войны: японо-китайскую (1894—1895), японо-русскую (1904—1905) и японо-германскую [1]) (1914—1915). Не малое

[1]) Фактически японо-германская война кончилась со взятіемъ Циндао. Съ той поры всѣ попытки привлечь Японію къ участію въ войнѣ съ Германіей на европейскомъ континентѣ кончились неудачно.

отношеніе къ китайскому вопросу имѣетъ и испано-американская война 1898 года. Соед. Штаты начали войну съ Испаніей якобы во имя освобожденія отъ испанскаго ига лежащаго недалеко отъ американскихъ береговъ острова Кубы, а кончили эту войну тѣмъ, что присоединили къ своимъ владѣніямъ расположенные отъ Америки въ тысячахъ и тысячахъ километровъ Филиппинскіе острова, при чемъ американское правительство нарушило свое обѣщаніе дать автономію населенію этихъ островов и поработило филиппинцевъ. Филиппины, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ острововъ, пріобрѣтенныхъ американцами на Тихомъ океанѣ, должны были сдѣлаться, по планамъ американскихъ имперіалистовъ, базой для проникновенія американскаго вліянія въ Китай, для усиленія торговыхъ сношеній Америки съ Дальнимъ Востокомъ вообще и съ Срединной имперіей въ особенности. Для осуществленія этой цѣли американцы не ограничились пріобрѣтеніемъ острововъ и осуществили грандіозный проектъ прорытія Панамскаго канала, который обошелся Соед. Штатамъ въ милліардъ рублей, но зато сократилъ разстояніе отъ Нью-Іорка до важнѣйшихъ китайскихъ портовъ на цѣлыя тысячи километровъ.

Въ настоящій моментъ американская буржуазія съ тревогой слѣдитъ за развитіемъ агрессивныхъ плановъ Японіи по отношенію къ Китаю, но пока С. Штаты, чувствуя себя, очевидно, недостаточно сильными, чтобы вступить въ борьбу съ имѣющей могучихъ союзниковъ и отдаленной Японіей, воздерживается отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Оптимисты высказываютъ мнѣніе, что американская буржуазія окончательно примирилась съ неизбѣжностью мощнаго имперіалистическаго расцвѣта Японіи и ея утвержденія въ роли гегемона (представителя) на азіатскомъ материкѣ. Однако, фактъ вотированія парламентомъ С. Штатовъ, въ срединѣ 1916 г., колоссальныхъ кредитовъ на военный бюджетъ 1917 г., именно 685.000.000 долларовъ, т. е. болѣе двухъ милліардовъ рублей на уси-

леніе арміи и флота, на созданіе новыхъ небывалой силы эскадръ, ясно показываетъ, что С. Штаты не сдадутъ такъ легко свои позиціи на Тихомъ Океанѣ и въ Срединной имперіи. Во всякомъ случаѣ, о своей новой широкой программѣ американскій морской министръ отозвался съ полной откровенностью, указавъ, что по ея осуществленіи С. Штаты получатъ боевой флотъ, превосходящій по силѣ любой иностранный флотъ. Американскіе имперіалисты надѣются, что воюющія державы выйдутъ въ результатѣ борьбы значительно ослабленными и что это создаетъ благопріятную обстановку для имперіалистическихъ плановъ С. Штатовъ въ близкомъ будущемъ.

Кто знаетъ, не найдутъ ли С. Штаты по окончаніи нынѣшней войны союзниковъ для борьбы съ увлекающейся широкими планами Японіи среди сегодняшнихъ же союзниковъ послѣдней. И не даромъ многія буржуазныя газеты уже теперь откровенно пишутъ, что нынѣшняя война не будетъ послѣдней міровой войной и что мысль о возможности вѣчнаго мира является наивной утопіей. И въ самомъ дѣлѣ, поскольку рѣчь идетъ о капиталистическомъ режимѣ, это мнѣніе буржуазныхъ писателей не грѣшитъ противъ истины. Капиталистическій строй дышетъ войной и насиліемъ и фатально рождаетъ изъ своихъ нѣдръ внутренніе и внѣшніе антагонизмы и конфликты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Борьба за Малую Азію и раздѣлъ Турціи.

§ 1. Берлинскій конгрессъ и германо-турецкое сближеніе.—Нѣмецкіе планы въ Турціи.—Начало русско-германскаго охлажденія.

Германія эпохи Бисмарка не была «міровой» державой. Войны 1866 и 1871 г., въ которыхъ Бисмаркъ игралъ такую выдающуюся и руководящую роль, были исключительно войнами національными, имѣвшими прежде всего цѣлью созданіе большого германскаго тѣла подъ главенствомъ Пруссіи. Бисмаркъ не только мало интересовался африканскимъ континентомъ или Малой Азіей, желѣзный канцлеръ до Берлинскаго конгресса 1878 г. не особенно горячо къ сердцу принималъ даже дѣла болѣе близкаго географически къ Германіи Балканскаго полуострова.

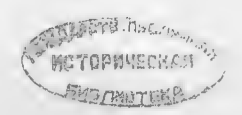
Чѣмъ объяснить эту политику Бисмарка? Дѣло въ томъ, что въ эпоху желѣзнаго канцлера Германія представляла собою чисто-континентальную, почти исключительно европейскую державу. Ни въ Турціи, ни на Дальнемъ Востокѣ, ни на Балканахъ у нея не было какихъ-либо серьезныхъ экономическихъ интересовъ. Никакой самостоятельной турецкой, балканской или африканской политики у Германіи этого періода не было.

Германія эпохи Бисмарка была передовой въ промыш-

ленномъ отношеніи державой, но все же обширный національный рынокъ, созданный побѣдами 1866 и 1871 гг., былъ первыя десятилѣтія болѣе чѣмъ достаточенъ для поглощенія товаровъ, производимыхъ нѣмецкими фабриками и заводами. Въ рамкахъ этого громаднаго національнаго рынка германская промышленность неудержимо прогрессировала и перегоняла по темпу своего развитія индустрію другихъ странъ.

Благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ условій, германская промышленность не остановилась на томъ уровнѣ, котораго она достигла въ концѣ Бисмаркскаго періода, а продолжала развиваться съ лихорадочной быстротой. По всей странѣ создавались новыя и новыя фабрики, проводились новыя рельсовыя колеи, городское населеніе увеличивалось на счетъ сельскаго. Измѣнилась экономическая структура Германіи, постепенно стали измѣняться и надстройки, выросшія на этой базѣ. Старыя заданія внѣшней политики, удовлетворявшія Бисмарка, стали казаться уже незначительными, узкими его преемникамъ. Въ своей рѣчи отъ 14 ноября 1906 г. въ рейхстагѣ бывшій германскій канцлеръ, князь Бюловъ, заявляетъ, что преемники Бисмарка не должны стать слѣпыми подражателями послѣдняго, а его продолжателями, и говоритъ: если эволюція вещей потребуетъ, чтобы мы пошли дальше цѣли, которую преслѣдовалъ Бисмаркъ, мы обязаны это сдѣлать».

Но поворотъ въ сторону новаго направленія внѣшней политики былъ сдѣланъ въ Германіи уже задолго до этихъ словъ Бюлова. Національное нѣмецкое государство уже давно переросло самое себя, и внутренній рынокъ уже съ конца минувшаго столѣтіяересталъ соотвѣтствовать гигантскому накопленію товаровъ и капиталовъ Германіи. И самъ Бисмаркъ явился безсознательнымъ выразителемъ новыхъ еще смутныхъ тенденцій германской внѣшней политики, когда выступилъ въ роли «честнаго маклера» на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., на которомъ онъ, при поддержкѣ руководителя англійской дипломатіи



Биконсфильда, разорвалъ Санъ-Стефанскій договоръ между Россіей и побѣжденной Турціей, значительно урѣзалъ пріобрѣтенія Россіи отъ войны 1877—1878 г. и далъ Австріи возможность расширяться на Балканахъ. Правда, самъ Бисмаркъ, придерживаясь средней линіи на конгрессѣ, поддерживалъ въ извѣстныхъ вопросахъ интересы Россіи, не допуская въ другихъ умаленія существенныхъ интересовъ будущей союзницы Германіи — Австріи, не преслѣдовалъ никакихъ плановъ по отношенію къ Оттоманской имперіи и отстаивалъ лишь принципъ «европейскаго равновѣсія», которое давало возможность Германіи сохранить всѣ ея пріобрѣтенія 1866, 1871 гг., но уже въ эпоху Берлинскаго конгресса въ германской прессѣ раздавались, правда, еще немногочисленные голоса о необходимости установленія болѣе тѣсныхъ экономическихъ и политическихъ связей между Германской имперіей и Турціей.

Выступленіе Германіи на Берлинскомъ конгрессѣ явилось независимо отъ воли и желанія Бисмарка началомъ вмѣшательства Германіи въ турецкія дѣла. Многіе германскіе публицисты и государственные дѣятели находили, вопреки мнѣнію Бисмарка, что окончательный разгромъ Турціи и захватъ Россіей Константинополя грозитъ совершенно преобразовать карту Европы и сдѣлать Россію слишкомъ опаснымъ сосѣдомъ не только для Австріи, но и для самой Германіи. И вотъ, въ то время, какъ въ Германіи начинаетъ пробуждаться сильный интересъ къ судьбамъ Оттоманской имперіи, въ правящихъ кругахъ самой Турціи начинается сильное тяготѣніе къ сближенію съ Германіей. Послѣ русско-турецкой войны 1876—1877 г. разгромленная и урѣзанная Оттоманская имперія, потерявшая значительную часть своихъ владѣній, стоявшая передъ перспективой полнаго развала, была одинока. Къ кому было Турціи обратиться за помощью? Всѣ ея мнимые друзья воспользовались русско-турецкой войной, чтобы, въ награду за дипломатическую помощь противъ сѣвернаго колосса или за нейтралитетъ, отнять у нея новыя

территоріи сверхъ тѣхъ, которыя ей пришлось уступить побѣдоносной Россіи. Такъ, Англія отняла у нея островъ Кипръ, Австрія—Боснію и Герцеговину, Франція усилила свое вліяніе въ Сиріи. Турція видѣла единственнаго возможнаго соперника и наиболѣе надежнаго для себя покровителя въ лицѣ сильной Германіи, которая въ этотъ моментъ не вела «міровой» политики. Въ самомъ дѣлѣ, изъ великихъ державъ одна лишь Германія стояла далеко отъ границъ Оттоманской имперіи и не грозила послѣдней, между тѣмъ какъ всѣ остальныя державы грозно расположились у самихъ воротъ Турціи. Россія съ своимъ войскомъ—у границъ Арменіи и Курдистана, Англія на Кипрѣ и въ Египтѣ, Австрія на сѣверѣ Балканскаго полуострова, на пути къ Салоникамъ, Франція, съ своими школами, съ своими консулами, въ Сиріи и въ Палестинѣ—и съ своими эскадрами у береговъ послѣднихъ.

Абдулъ-Гамидъ мечталъ о военномъ союзѣ съ Германіей, и впослѣдствіи, когда былъ образованъ Тройственный союзъ, онъ, какъ это видно изъ его мемуаровъ, опубликованныхъ профессоромъ Луи Штейномъ въ январѣ 1913 г. въ нѣмецкомъ журналѣ «Сѣверъ и югъ» (Nord und Süd), сожалѣлъ, что Бисмаркъ и Вильгельмъ II отказались допустить участіе Турціи въ Тройственномъ Союзѣ. «Если бы Бисмаркъ своевременно понялъ,—говоритъ Абдулъ-Гамидъ въ своихъ «Мысляхъ и Воспоминаніяхъ»,—что сильная Турція насущно необходима Германіи, то это было бы лучше для обѣихъ сторонъ. Жаль, что Бисмаркъ не хотѣлъ насъ принять въ Тройственный Союзъ».

Какъ бы то ни было, послѣ войны 1876—1877 г. турецкое правительство рѣшило приняться за переорганизацію турецкой арміи и обратилось съ просьбой о помощи въ этомъ дѣлѣ къ германскому правительству. Въ 1882 г. въ Турцію отправилась военная миссія подъ руководствомъ извѣстнаго фонъ деръ-Гольца—погибшаго въ нынѣшнюю войну въ 1915 г. въ Малой Азіи,—для реорганизаціи турецкой арміи.

Въ награду за согласіе взять на себя преобразованіе военныхъ силъ Оттоманской имперіи германское правительство поставило въ качествѣ перваго условія передачу всѣхъ заказовъ на перевооруженіе турецкой арміи германскимъ военнымъ заводамъ на мѣсто французскихъ. И, такимъ образомъ, только въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ знаменитый нѣмецкій металлургическій и пушечный заводъ Круппа въ Эссенѣ получилъ заказовъ на 80 милліоновъ франковъ.

Тотъ фактъ, что Германія навязала Турціи въ награду за свою помощь указанное выше условіе, былъ первымъ симптомомъ (признакомъ) того главенствующаго вліянія, которое въ германской внѣшней политикѣ начала пріобрѣтать германская металлургическая и пушечная индустрія, симптомомъ начинающагося передвиженія центра капиталистической системы въ Германіи, именно къ металлургической промышленности. И, какъ объяснялъ впослѣдствіи именно въ 1914 году нѣмецкій генералъ Мюльманъ въ статьѣ, опубликованной имъ въ «Послѣднихъ берлинскихъ извѣстіяхъ», германское правительство посылаетъ свои военныя миссіи только въ тѣ страны, которыя передаютъ всѣ заказы именно германской военной индустріи. Такіе факты имѣли уже мѣсто въ Аргентинѣ, Боливіи, Чили и Румыніи. «Странамъ, которыя не дѣлаютъ заказовъ въ Германіи, мы не даемъ нашихъ инструкторовъ. Намъ говорятъ, что мы снабжаемъ оружіемъ нашихъ будущихъ враговъ. Что за важность»! [1])

---

[1]) См. нашу статью „За рубежемъ" въ „Нашей Рабочей газетѣ" 22 мая 1914 г. Дѣйствительно, всѣ эти страны — Аргентина, Боливія, Чили, которыя Германія снабжала своимъ оружіемъ въ угоду Круппу, вели себя во время войны очень недружелюбно по отношенію къ Германіи; что же касается Румыніи, послѣдняя, какъ извѣстно, объявила войну Австріи и Германіи, и ея армія, вооруженная съ ногъ до головы германскими военными заводами, сражалась на сторонѣ союзниковъ

Но дѣло проникновенія германскаго вліянія въ Турцію не могло ограничиться одной передачей турецкихъ военныхъ заказовъ германской индустріи. Турецкая армія была сравнительно немногочисленна, чтобы удовлетворить потребности германской военной индустріи въ рынкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, превращеніе Германіи въ передовую промышленную державу, поразительный ростъ ея металлургическихъ и другихъ заводовъ заставлялъ германскую буржуазію крайне интересоваться вопросомъ о новыхъ рынкахъ. Между тѣмъ, къ моменту расцвѣта Германіи и превращенія ея въ величайшую промышленную и военную державу не только отдѣльныя огромныя области мира, но и цѣлые материки были уже почти подѣлены между опередившими нѣмцевъ народами. Германія явилась къ раздѣлу міра слишкомъ поздно. Для Германіи почти не оставалось или оставалось очень мало мѣста во внѣшнемъ мірѣ.

И вотъ нѣмецкая печать со времени отправки германской миссіи въ Турцію обращаетъ свое вниманіе на Оттоманскую имперію, на ея колоссальныя естественныя богатства, на ея области, бывшія нѣкогда колыбелью великихъ имперій, ассирійской, персидской, арабской, славившихся своимъ могуществомъ, своей цивилизаціей, своими нѣкогда цвѣтущими городами — Сузами, Ниневіей, Вавилономъ, Багдадомъ и т. д. Появляется цѣлый рядъ книгъ о Месопотаміи, гдѣ когда-то по преданію находился земной рай,—Месопотаміи, на плодородныхъ равнинахъ которой смѣнялись одна за другой великія азіатскія имперіи съ ихъ сказочными богатствами. Извѣстный писатель Кергеръ въ своей книгѣ «Малая Азія — поле для нѣмецкой колонизаціи» призываетъ своихъ согражданъ обратить свое вниманіе на эту главную часть Оттоман-

---

противъ нѣмецкихъ войскъ. Мы не говоримъ уже о той роли, какую германскіе военные заводы играли въ перевооруженіи русской арміи и русскаго флота.

ской имперіи и намекаетъ на необходимость для нѣмцевъ захватить эту область раньше, чѣмъ она попадетъ въ руки какихъ-либо ненасытныхъ хищниковъ, уже владѣющихъ громадными и богатѣйшими территоріями. Въ такомъ же тонѣ пишутъ многіе другіе нѣмецкіе имперіалисты. Но изъ всей этой литературы особенно выдѣляется брошюра извѣстнаго нѣмецкаго востоковѣда д-ра Шпрингера: «Вавилонія—самая богатая страна на земномъ шарѣ въ прошломъ и лучшая область для колонизаціи въ настоящемъ» Въ этой брошюрѣ, появившейся въ 1886 г., Шпрингеръ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Изъ [1]) всѣхъ областей земного шара нѣтъ болѣе пригодной для колонизаціи, чѣмъ Сирія и Месопотамія... Это единственная территорія, еще не захваченная какой-либо великой державой... Если Германія не пропуститъ удобнаго случая и воспользуется имъ раньше, чѣмъ казаки протянутъ сюда свои руки, Германія при раздѣлѣ міра получитъ лучшую долю".

И, дѣйствительно, какъ только господствующіе классы Германіи устремили свое вниманіе на Ближній Востокъ, русско-германскія отношенія стали портиться. Совершенно правильно членъ Государственной Думы, В. А. Маклаковъ, въ своей рѣчи на московскомъ банкетѣ въ британскомъ клубѣ 11 мая 1916 года указалъ, что германо-русская «распря, германо-русскій разрывъ, замѣнившій традиціонную русско-германскую дружбу, начался задолго до нынѣшней войны, именно съ того момента, какъ мечты Германіи отъ объединенія направились къ имперіализму и этотъ имперіализмъ сталъ выражаться въ стремленіи Германіи проложить себѣ путь къ Багдаду, а оттуда къ Персидскому заливу».

[1]) Курсивъ мой. М. П.

Съ этого момента Россія и Германія стали врагами, и война 1914—1917 гг. только раскрыла то, что было явно: непримиримую и фатальную противоположность империалистическихъ интересовъ Россіи и Германіи.

Вся германская шовинистическая литература, посвященная вопросу о Ближнемъ Востокѣ, отстаивавшая интересы Германіи на Балканахъ и въ Малой Азіи, каждой строкой опровергали взгляды Бисмарка относительно желательности утвержденія Россіи въ Константинополѣ. Съ особой силой подчеркивалъ въ свое время противоположность русско-германскихъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ извѣстный нѣмецкій публицистъ Бресницъ фонъ Сюдаковъ. Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ брошюръ «Нужно ли раздѣлить Турцію»? этотъ писатель въ слѣдующихъ строкахъ говоритъ объ опасностяхъ, которыми грозитъ-де Германіи утвержденіе Россіи въ Константинополѣ [1]):

«Турція должна быть раздѣлена, но этотъ раздѣлъ долженъ быть произведенъ средне-европейскими государствами (т.-е. Германіей и Австріей). Если же Россія сдѣлается наслѣдницей Оттоманской имперіи, мы не въ состояніи будемъ помѣшать побѣдоносному движенію русскихъ казаковъ по всей Средней Европѣ. Разъ только русскія знамена взовьются надъ Золотымъ Рогомъ, будетъ уже поздно, и казаки скоро появятся у стѣнъ Вѣны и затѣмъ помчатся къ Бранденбургскимъ воротамъ. Балканы должны принадлежать Средней Европѣ, иначе Европа превратится въ русскую провинцію. Третьяго выхода изъ этой дилеммы нѣтъ» [2]).

Событія нынѣшней войны показали, какъ дороги гер-

---

[1]) Бресницъ фонъ Сюдаковъ, „Нужно ли раздѣлить Турцію"? Берлинъ, 1898, 3-е изданіе, стр. 71. Крайне любопытна также другая брошюра этого автора: „Желаетъ ли Россія разрѣшить Восточный вопросъ"? Берлинъ, 1900.

[2]) Золотой Рогъ—бухта Босфора въ Константинополѣ.

манскимъ имперіалистамъ ихъ интересы на Ближнемъ Востокѣ. Извѣстно, какое колоссальное значеніе придавалъ германскій генеральный штабъ балканскому театру военныхъ дѣйствій, сначала сербскому, а потомъ румынскому, именно потому, что отъ побѣды или пораженія на этомъ театрѣ зависѣло для Германіи сохраненіе, или, наоборотъ, прекращеніе сношеній съ Турціей. «Если бы французы, англичане и русскіе завладѣли проливами — доказывалъ уже во время войны оффиціальный теоретикъ германскаго имперіализма Поль Рорбахъ—и отрѣзали Германію отъ Востока, то послѣдствія этого событія были бы неисчислимы. Міровой политикѣ Германіи насталъ бы конецъ»...

«Что произойдетъ»—спрашиваетъ тотъ же публицистъ въ статьѣ, напечатанной въ пятомъ нумерѣ журнала «Величайшая Германія»,— если союзники раздѣлятъ между собой территорію, лежащую между Босфоромъ и Персидскимъ заливомъ, съ одной стороны, Суэцкимъ каналомъ, Араратомъ, съ другой, или, если мы потеряемъ всякое, вліяніе въ этихъ областяхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ. Это будетъ концомъ Германіи какъ міровой державы, исключеніемъ ея изъ ранга первоклассныхъ державъ. Оттоманская имперія распространяется теперь на области, значеніе которыхъ въ международной экономіи и въ міровой политикѣ растетъ по мѣрѣ того, какъ эти области начинаютъ культивироваться и эксплоатироваться. Страна, отброшенная отъ этихъ областей, теряетъ все свое международное значеніе Германія находится на поворотномъ пунктѣ своей исторіи».. («Величайшая Германія», № 5, 1915 г.).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ: «Германское будущее на Востокѣ; въ Малой Азіи, въ Сиріи, Месопотаміи и Палестинѣ. По сосѣдству съ Ниневіей, тамъ, гдѣ проходитъ Багдадская желѣзная дорога, находится одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ нефти въ мірѣ. Въ глубинѣ горъ Тавра—гигантскія залежи мѣди и

другихъ металловъ. Равнина Вавилона можетъ стать величайшимъ въ мірѣ поставщикомъ хлѣба и хлопка. Въ Месопотаміи имѣются пастбища для милліоновъ овецъ. Тутъ мы имѣемъ большую часть нужнаго намъ сырого матеріала, притомъ собраннаго въ одномъ мѣстѣ».

При томъ громадномъ значеніи, которое германскіе имперіалисты придавали обладанію Малой Азіей, и при той опасности, которая всегда грозила Турецкой имперіи именно со стороны Россіи, не удивительно, что обѣ эти державы, несмотря на династическія связи, никогда не могли притти къ какому-либо прочному соглашенію по ближне-восточному вопросу. И во время нынѣшней войны, даже въ моментъ блестящихъ побѣдъ русской арміи въ Галиціи, многіе русскіе имперіалисты, какъ, напримѣръ, Мигулинъ, Воейковъ и т. п., писали, что главные интересы Россіи лежатъ прежде всего на Ближнемъ Востокѣ—въ Арменіи, Месопотаміи, у Босфора и Дарданеллъ и т. д., а не въ Галиціи или нѣмецкихъ провинціяхъ [1]). И можетъ быть нѣсколько односторонне, но не безъ всякаго основанія, Милюковъ писалъ въ «Рѣчи», въ передовицѣ отъ 15 сентября 1915 г., что именно «Ближній Востокъ былъ въ новѣйшее время инкубаторомъ [2]) всѣхъ потрясавшихъ Европу политическихъ и военныхъ пароксизмовъ, и не случайно настоящая война выросла изъ темныхъ нѣдръ все той же ближне-восточной политики». Поскольку рѣчь касается именно русско-германскаго конфликта, сыгравшаго колоссальную роль въ нынѣшней міровой войнѣ, несомнѣнно, что роль первопричины

---

[1]) Важнѣйшая наша историческая задача—на Ближнемъ Востокѣ,—доказываетъ профессоръ Мигулинъ въ статьѣ „Завѣщанныя предками задачи" (см. „Новый Экономистъ", 8 ноября 1914 г.). То же доказываетъ проф. Воейковъ въ статьѣ „Россія и турецкое наслѣдіе" („Новый Экономистъ", 15 ноября 1914 г.). И такихъ статей можно было бы процитировать цѣлыя сотни.

[2]) Инкубаторъ — приборъ для искусственнаго вывода цыплятъ, въ данномъ случаѣ это слово можно замѣнить словомъ—причиной.

русско-германской вражды сыгралъ именно ближне-восточный вопросъ.

Подчеркиваніе «русской опасности» и противоположности русско-германскихъ интересовъ сдѣлалось лейтмотивомъ въ германской шовинистической печати съ того момента, какъ послѣдняя стала заниматься вопросомъ о германскихъ интересахъ на Ближнемъ Востокѣ и о правахъ Германіи на турецкое наслѣдство. И дѣйствительно, какъ только германское правительство приступило къ первымъ серьезнымъ шагамъ съ цѣлью осуществленія своихъ имперіалистическихъ плановъ относительно Турціи, между Германіей и Россіей неизбѣжно возникли конфликты, и оба государства начали упорную и ни на минуту не прекращающуюся борьбу другъ съ другомъ изъ-за турецкаго наслѣдства. Однако, сторонниковъ раздѣла Турціи въ Германіи было очень мало. Германскимъ имперіалистамъ было выгодно, чтобы Турція не была расхватана по кусочкамъ, и чтобы она, до извѣстной степени, поскольку это не мѣшало нѣмецкимъ планамъ, окрѣпла и была въ состояніи оказать сопротивленіе покушеніямъ на ея территоріальную цѣлостность. Но и чрезмѣрное усиленіе Турціи, которое сдѣлало бы ненужной нѣмецкую дружбу, не входило въ виды Германіи.

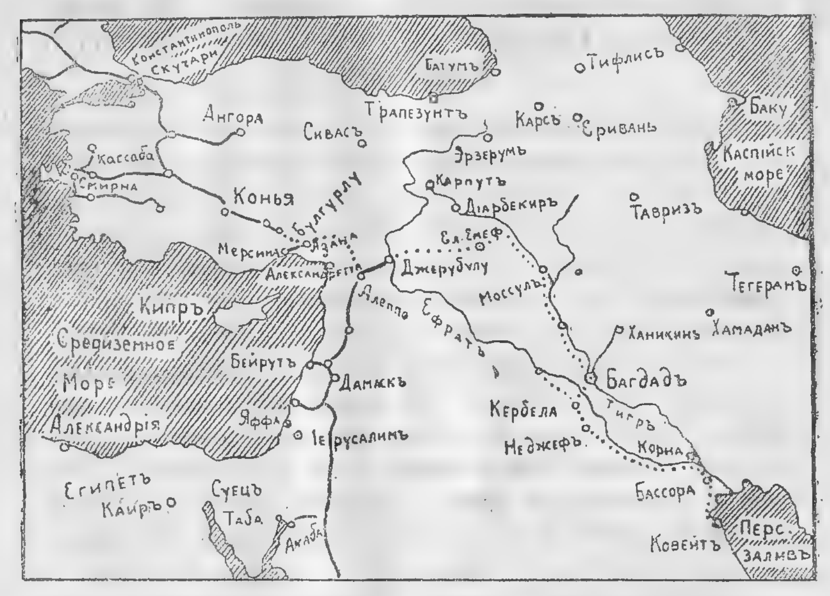
Идеи, подобныя высказаннымъ Бресницемъ фонъ Сюдаковымъ, о необходимости скорѣйшаго раздѣла Турціи, высказывались въ первый періодъ увлеченія германскихъ имперіалистовъ мало-азіатскими перспективами. Затѣмъ за послѣднія 15 лѣтъ наканунѣ войны выдвинулась другая идея, которая проникаетъ всю нѣмецкую литературу по вопросу объ Оттоманской имперіи. Раздѣлъ Оттоманской имперіи въ данный моментъ не выгоденъ для Германіи; поэтому пока нужно добиться чего-то въ родѣ замаскированнаго нѣмецкаго протектората надъ Оттоманской имперіей и постараться отдалить моментъ смерти больного человѣка до того неизбѣжнаго дня, когда при открытіи вопроса о «наслѣдствѣ» большая часть послѣдняго уже

неизбѣжно попадетъ въ руки Германіи, которая за этотъ подготовительный періодъ должна заручиться цѣлымъ рядомъ векселей на турецкое имущество. Однимъ изъ такихъ важнѣйшихъ нѣмецкихъ векселей на Оттоманскую собственность германскіе имперіалисты считали наканунѣ нынѣшней войны пресловутую багдадскую концессію.

§ 2. Багдадская дорога. Проектъ Пресселя. Дейче Банкъ и нѣмецкій рельсовый проектъ. Нѣмецкіе банки и металлургія.

Чтобы найти новый рынокъ продуктамъ съ волшебной быстротой развивавшейся нѣмецкой металлургической индустріи и вмѣстѣ съ тѣмъ приковать Оттоманскую имперію стальной цѣпью къ Германіи, нѣмецкіе металлургисты съ Круппомъ и Тиссеномъ во главѣ создали грандіозный планъ великаго рельсоваго пути Гамбургъ—Берлинъ—Багдадъ. Багдадскій проектъ крайне соблазнялъ германскихъ металлургистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, желѣзнодорожная сѣть, которой предполагалось прорѣзать всю Малую Азію, могла поглотить милліоны пудовъ рельсъ тысячи вагоновъ, локомотивовъ и т. д. Достаточно сказать, что протяженіе однѣхъ главныхъ магистралей этой желѣзнодорожной сѣти должно было превысить 4.000 верстъ. Неудивительно, что находящаяся на услуженіи у металлургическаго треста пресса не жалѣла красокъ, чтобы расписать радужныя перспективы, открывающіяся для Германіи въ результатѣ проложенія нѣмецкаго рельсоваго пути до Багдада, и говорила объ этомъ проектѣ, какъ о предпріятіи, осуществленіе котораго необычайно возвеличитъ Германію, обезпечитъ ея міровую гегемонію, ея культурное вліяніе въ Малой Азіи и во всемъ мусульманскомъ мірѣ. И вся германская пресса стала съ необыкновеннымъ рвеніемъ вышивать узоры по этой канвѣ. Багдадъ—это слово въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій буквально пестритъ на столбцахъ германской печати, за-

полняетъ всѣ статьи о внѣшней политикѣ, о мiровой гегемонiи Германiи и т. д. И постепенно тысячи обывателей, ежедневно читающихъ свою газету, начинаютъ увлекаться восточными перспективами, начинаютъ убѣждаться, будто судьба Германiи лежитъ гдѣ-то въ Месопотамiи, у развалинъ древней Ниневiи или Сузъ и т. д. Волшебный Багдадъ, таинственный городъ Гарунъ-Аль-Рашида изъ «Тысячи и одной ночи», съ его поэтическими легендами,



Багдадская желѣзная дорога наканунѣ войны.

——— Законченныя линiи.

··········· Строющаяся и проектируемая линiя.

такъ прельщавшими многихъ мирныхъ нѣмецкихъ бюргеровъ и интеллигентовъ, съ его воспоминанiями о сказочномъ блескѣ эпохи арабскаго калифа, съ его чудными мечетями, базарами, караванъ-сараями, съ пѣнiемъ муэдзина съ вершины мусульманскихъ минаретовъ, пѣнiемъ, о которомъ въ такихъ краскахъ писала нѣмецкая беллетристика, начавшая съ такимъ усердiемъ эксплуатировать восточные мотивы; Багдадъ, какъ конечный пунктъ гран

діознаго нѣмецкаго пути отъ великаго сѣверо-германскаго порта въ глубину Месопотаміи, этой древней и будущей житницы міра, мѣстонахожденія библейскаго рая, отвѣчалъ извѣчной потребности народныхъ массъ, никогда не теряющихъ, въ отличіе отъ господствующихъ классовъ, извѣстной доли идеализма, потребности въ чудесномъ, романтическомъ, и окутывалъ все это колоссальное желѣзнодорожное предпріятіе, въ основѣ котораго лежали побужденія самаго реалистическаго, матеріальнаго характера, какой-то поэтической дымкой [1]). И въ тысячный разъ повторялась старая, но вѣчно новая сказка, и въ воображеніи наивныхъ народныхъ массъ оживала легенда объ аргонавтахъ, отправляющихся походомъ въ сказочную Колхиду въ поискахъ за золотымъ руномъ, источникомъ и символомъ счастья, свѣта, красоты и могущества на землѣ. И въ этой сказкѣ о нѣмецкомъ походѣ въ райскую Месопотамію роль дракона, охраняющаго золотое руно, за которымъ отправились германскіе герои, выпа-

---

[1]) Когда Вильгельмъ II совершилъ въ 1898 г. свое театральное путешествіе въ Турцію на поклоненіе гробу султана Саладина, въ результатѣ каковаго визита было полученіе нѣмецкими капиталистами концессіи на проведеніе желѣзнодорожной линіи не только до Багдада, но даже до береговъ Персидскаго залива, это путешествіе было обставлено такъ, какъ-будто вся цѣль заключалась въ воспроизведеніи сцены изъ «Тысяча и одной ночи». Правда, на головѣ Вильгельма красовалась традиціонная прусская каска съ золоченымъ орломъ, и самъ императоръ былъ одѣтъ въ нѣмецкій военный мундиръ, но зато всѣ остальные аксессуары императорскаго одѣянія были взяты какъ бы изъ арабскихъ сказокъ. Лицо Вильгельма было скрыто большой бѣлой вуалью, падавшей на плечи. Великолѣпный бѣлый кирасирскій мундиръ просвѣчивалъ сквозь тончайшій бурнусъ, прозрачный какъ вуаль и блестѣвшій какъ золото. Да и сама прусская каска была покрыта тонкимъ барбаномъ, такъ что издали ее трудно было замѣтить. На своемъ чудномъ бѣломъ конѣ императоръ показывался смертнымъ, какъ бы окутанный дымкой „облаковъ“, и, очевидно, стремился произвести впечатлѣніе полу-человѣка, полу-бога, однимъ словомъ, какого-то сказочнаго героя. Нѣмецкая пресса въ свое время не мало столбцовъ посвятила описанію этого опереточнаго одѣянія.

дала на долю «казацкой» Россіи. Роль же волшебницы Медеи, усыпляющей вѣчно бодрствующаго дракона, должна была, по предначертаніямъ инициаторовъ великаго багдадскаго проекта, взять на себя искусная нѣмецкая дипломатія съ Вильгельмомъ во главѣ.

По первоначальному проекту, созданному извѣстнымъ инженеромъ Вильгельмомъ фонъ Пресселемъ, Багдадская дорога должна была начаться у Хайдаръ-паши на Мраморномъ морѣ, т. е. именно у Константинополя. Отъ этого пункта дорога должна была пойти по сѣверной части Анатоліи, почти параллельно побережью Чернаго моря, затѣмъ въ юго-восточномъ направленіи черезъ Сивасъ, гдѣ проходили армянскіе и персидскіе караваны, откуда должно было пойти развѣтвленіе на Эрзерумъ и Битлисъ, къ кавказской границѣ. Затѣмъ дорога, по проекту Пресселя, поворачивала въ юго-восточномъ направленіи и шла черезъ Сивасъ, Діарбекиръ, Моссулъ къ Багдаду, а оттуда къ Персидскому заливу. Это была бы великая военно-стратегическая дорога, дававшая возможность желѣзными обручами сковать въ одно цѣлое разрозненныя части Оттоманской имперіи и быстро мобилизовать въ любомъ пунктѣ страны и, въ частности, на русской границѣ необходимое количество войскъ. Такимъ образомъ, и русско-турецкая война 1877-78 г. и въ особенности нынѣшняя кавказская кампанія носили бы другой характеръ, и наши войска встрѣтили бы иныя, можетъ-быть, непреодолимыя трудности, если бы проектъ Пресселя, выдвинутый болѣе сорока лѣтъ назадъ, былъ своевременно осуществленъ, и турецкія желѣзныя дороги доходили бы до Трапезунда, Эрзерума, Битлиса и т. д. [1]).

---

[1]) Карту багдадскаго проекта фонъ Пресселя, равно какъ болѣе подробное описаніе всѣхъ проектовъ Багдадскаго пути, интересующійся читатель найдетъ въ моей книгѣ „Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго“.

Турецкое правительство приняло проектъ Presселя. Съ 1871 г. по 1872 г. была построена линія отъ Хайдаръ-паши до Ишмида въ 92 километра. Но затѣмъ въ теченіе последующихъ 16 лѣтъ, съ 1873 по 1889 г., дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ. Было очевидно, что Турція собственными силами не въ состояніи осуществить даже часть грандіознаго проекта, созданнаго Пресселемъ. Неудивительно, что правительство султана съ радостью приняло помощь могучей Германіи въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Турціи, такъ тѣсно связаннаго съ военной реорганизаціей страны.

Нѣмецкіе металлургисты съ Круппомъ во главѣ, мечтавшіе о новомъ рынкѣ для сбыта тысячи вагоновъ, паровозовъ, сотенъ тысячъ тоннъ рельсъ, съ радостью ухватились за проектъ грандіознаго рельсоваго пути отъ Константинополя черезъ всю Малую Азію къ Багдаду и Персидскому заливу. Но чтобы осуществить этотъ грандіозный проектъ, нужны были колоссальныя финансовыя средства. И вотъ финансовая сторона предпріятія была возложена на знаменитый «Нѣмецкій банкъ» («Дейче Банкъ»). «Дейче Банкъ» представляетъ собой созданіе нашей эпохи. Онъ былъ основанъ въ 1871 г. съ капиталомъ въ 15 милл., а въ 1905 г. его капиталъ равнялся уже 100 милл. марокъ. Банкъ этотъ игралъ крупнѣйшую роль во всѣхъ индустріальныхъ предпріятіяхъ Германіи, какъ внутри страны, такъ и за ея границами, стало-быть, въ ея внѣшней политикѣ. Въ настоящее время трудно установить отношеніе этого банка къ индустріи: является ли онъ въ своемъ метеперешнемъ видѣ созданіемъ какого-нибудь могучаго металлургическаго и пушечнаго треста подобно французскому банку «Société Générale», основанному первоначально пушечнымъ королемъ Шнейдеромъ (Крезо), или представляетъ болѣе или менѣе самостоятельное финансовое учрежденіе; во всякомъ случаѣ, тѣснѣйшая связь этого банка съ металлургическими королями Германіи и, въ частности, съ Круппомъ не подлежитъ сомнѣнію. Вообще нѣмец-

кая металлургическая индустрія играетъ крупнѣйшую роль въ дѣятельности германскихъ банковъ и стоитъ за спиной послѣднихъ, направляя часто ихъ работу въ ту или другую сторону.

Выдвигая «Дейче Банкъ» въ качествѣ предпріятія, которое должно было взять на себя финансовую организацію и осуществленіе багдадскаго проекта, и обезпечивъ этому банку поддержку германскаго правительства, нѣмецкій металлургическій трестъ былъ, конечно, увѣренъ въ томъ, что главная, если не почти вся, доля заказовъ на поставку всего необходимаго матеріала для сооруженія этого гигантскаго пути достанется нѣмецкимъ заводамъ.

Въ 1888 г. «Дейче Банкъ» основалъ «Нѣмецкое Общество Анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ» и получилъ концессію на проведеніе рельсовой колеи по Малой Азіи до Ангары, съ обѣщаніемъ дальнѣйшихъ концессій до Багдада. Отъ концессіи на эту рельсовую колею начинается новая эпоха во внѣшней политикѣ Германіи, ибо эта концессія кладетъ начало рѣшительному и открытому движенію Германіи на Ближній Востокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта концессія обостряетъ русско-германскую распрю, начавшуюся со времени Берлинскаго конгресса, и вызываетъ длительную дипломатическую борьбу между обоими государствами изъ-за вопроса объ оттоманскомъ наслѣдствѣ.

Нѣмецкая газета «Дейче Цейтунгъ» въ октябрѣ 1899 г. открыто объясняетъ значеніе багдадскаго рельсоваго проекта, какъ орудія, съ помощью котораго Турція будетъ превращена въ нѣмецкую колонію [1]). Но этотъ планъ не приходится по вкусу русскому правительству, и послѣднее начинаетъ борьбу противъ германскихъ проектовъ въ Турціи.

---

[1]) См. мою вышеупомянутую книгу, стр. 38, 39.

§ 3. Французскій финансовый капиталъ и нѣмецкіе желѣзнодорожные планы въ Малой Азіи. Дейче Банкъ въ роли представителя франко-германскихъ интересовъ въ Турціи. Франко-германскій консорціумъ въ Малой Азіи.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, будто полученіе нѣмцами концессіи на проведеніе Анатолійской желѣзной дороги положило начало англо-германской распрѣ. Это утвержденіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Наоборотъ, именно англійское правительство оказало дипломатическую поддержку Германіи въ полученіи этой концессіи. Въ ту пору (1880-е г.г.) англо-русскія отношенія носили очень непріязненный характеръ. Правящіе круги Англіи съ большимъ опасеніемъ слѣдили за движеніемъ Россіи въ Средней Азіи и были увѣрены, что русское правительство готовится къ нападенію въ близкомъ будущемъ на Британскую Индію. При такихъ обстоятельствахъ англійское правительство находило не безвыгоднымъ для себя усиленіе нѣмецкаго вліянія въ Турціи. Великобританія разсчитывала найти въ лицѣ Германіи континентальнаго солдата для противодѣйствія напору Россіи на Турцію и косвеннымъ образомъ на всю Среднюю Азію.

Но Германія въ тотъ первый періодъ нашла поддержку своимъ планамъ не только въ Англіи. Нѣмецкимъ банкамъ было не подъ силу финансировать своими собственными средствами (осуществить своими собственными силами) такое грандіозное предпріятіе, какимъ являлось сооруженіе гигантскаго рельсоваго пути въ Турціи. И когда нѣмецкій металлургическій трестъ выдвинулъ въ качествѣ финансоваго организатора багдадскаго предпріятія «Дейче Банкъ», онъ разсчитывалъ не столько на этотъ банкъ и собственныя средства послѣдняго, сколько на интернаціональныя связи



нѣмецкаго банка и, главнымъ образомъ, на его связи съ французскимъ финансовымъ міромъ. И дѣйствительно, съ самаго же начала «Нѣмецкому банку» удалось черезъ посредство своихъ агентовъ въ Брюсселѣ и Парижѣ распредѣлить значительную часть акцій по частнымъ лицамъ во Франціи и въ Бельгіи. Но этого было мало для успѣшнаго финансированія предпріятія, и германское правительство стало добиваться офиціальнаго участія Франціи въ проведеніи Багдадской дороги. Германскій металлургическій трестъ нашелъ себѣ вліятельныхъ пособниковъ во Франціи въ лицѣ двухъ государственныхъ дѣятелей, финансиста Рувье, сдѣлавшагося въ 1902 г. французскимъ министромъ финансовъ, и министра иностранныхъ дѣлъ Делькассе. Рувье самымъ рѣшительнымъ образомъ поддерживалъ проектъ Багдадскаго пути, защищая интересы кучки французскихъ финансистовъ и металлургистовъ, разсчитывавшихъ получить большіе дивиденды на эксплуатаціи совмѣстно съ нѣмецкими капиталистами богатствъ Оттоманской имперіи. Делькассе же, хотя и не прочь былъ допустить участіе Франціи въ багдадскомъ предпріятіи, но все же онъ считалъ необходимымъ ознакомиться прежде всего съ мнѣніемъ Россіи въ данномъ вопросѣ и не итти наперекоръ планамъ союзницы Франціи. Извѣстно, что въ 1902 г., во время пребыванія французскаго президента Лубэ въ Петербургѣ, Делькассе убѣждалъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ламсдорфа согласиться на участіе Франціи въ багдадскомъ предпріятіи, доказывая, что, если Франція войдетъ въ багдадскую комбинацію, послѣдняя перестанетъ играть роль оружія, направленнаго противъ Россіи. Въ теченіе 1902 и 1903 г.г. Делькассе въ своихъ бесѣдахъ съ руководителями русской внѣшней политики не разъ возвращался къ той же темѣ и отстаивалъ свою точку зрѣнія. Русскій министръ Витте рѣшительно боролся противъ позиціи, занятой Делькассе въ вопросѣ о Багдадской дорогѣ, зато Ламсдорфъ поддерживалъ фуанцузскаго министра.

Въ 1902 г. Делькассе предложилъ на одобреніе нѣмецкаго правительства планъ образованія на мѣсто исключительно германскаго общества Багдадской дороги русско-нѣмецко-французскаго синдиката, въ которомъ доля французскаго капитала равнялась бы 40%, доля нѣмецкаго также 40% и русскаго 20%.

Планы Делькассе и Рувье привлечь офиціально Францію къ участію въ предпріятіи Багдадской дороги встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны русскихъ правящихъ круговъ, особенно, какъ мы сказали, со стороны Витте, не желавшаго,—и это была одна изъ причинъ противодѣйстія Витте багдадскому проекту,— чтобы сотни французскихъ милліоновъ ушли на германскія предпріятія. Витте полагалъ, что французскіе финансы должны оставаться прежде всего къ услугамъ русскаго правительства. Между тѣмъ было очевидно, что Германія не въ состояніи собственными силами достать необходимыя ей финансовыя средства на сооруженіе Багдадской дороги. На засѣданіи французской палаты депутатовъ 1 января 1902 г. депутатъ Эженъ Этьенъ сказалъ: «Намъ говорятъ, будто Франція должна дать 40%, я убѣжденъ, что она дастъ 80%». Въ самомъ дѣлѣ: сверхъ 40%, которые Франція брала на свою долю офиціально, «Дейче Банкъ», черезъ посредство различныхъ французскихъ банковъ, находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ, могъ размѣстить значительную часть акцій. Было извѣстно, что въ сооруженіи перваго участка Багдадской дороги французскій капиталъ игралъ не малую роль, и что «Дейче Банкъ» получилъ со стороны нѣкоторыхъ французскихъ банковъ обѣщаніе оказать серьёзную поддержку германскимъ капиталистамъ въ сооруженіи 2-го участка. Любопытно, что въ то время, какъ французская пресса старалась затушевать этотъ фактъ, нѣмецкія газеты, наоборотъ, говорили о франко-германскомъ синдикатѣ Багдадской дороги довольно откровенно. Болѣе того, «Кельнская газета» характеризовала роль Нѣмецкаго банка

въ багдадскомъ предпріятіи, какъ банка, представляющаго интересы французскихъ и нѣмецкихъ капиталистовъ, и писала въ октябрѣ 1901 г.: «Дейче Банкъ, являющійся представителемъ нѣмецкихъ и французскихъ группъ, получилъ концессію на сооруженіе дороги Смирна—Кассаба»...

И дѣйствительно, многіе французскіе банки, руководимые финансистами Оттингеромъ и Малэ, и металлургическіе заводы, съ представителемъ французскаго стальнного треста Витали во главѣ, не прочь были принять самое дѣятельное участіе въ сооруженіи Багдадской дороги и довѣряли офиціальное руководство этимъ дѣломъ Нѣмецкому банку. Капиталъ не имѣетъ отечества, а предпріятіе, въ которомъ была такъ заинтересована могущественная Германія, сулило вѣрный дивидендъ. Какъ мы видѣли, вліятельнѣйшіе государственные дѣятели Франціи—Делькассе, Рувье и затѣмъ Констанъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ,—взяли на себя защиту интересовъ французскихъ металлургистовъ и финанистовъ, стремившихся къ совмѣстной работѣ съ нѣмецкими капиталистами въ багдадскомъ предпріятіи.

Русская дипломатія пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать такому участію Франціи въ багдадскомъ пред пріятіи, и въ самой французской палатѣ многіе депутаты выступили съ указаніемъ на несовмѣстимость франко-германскихъ соглашеній по багдадскому вопросу съ обязательствами солидарности, связывающими Россію съ Франціей и вытекающими изъ союза этихъ обѣихъ странъ.

И дѣйствительно, съ самаго начала возникновенія багдадскаго проекта и полученія нѣмцами первой концессіи въ 1888 г. и вплоть до Потсдамскаго соглашенія 1911 г. русская дипломатія не прекращаетъ своего упорнаго противодѣйствія, иногда явнаго, иногда тайнаго, но всегда энергичнаго, осуществленію нѣмецкаго рельсоваго проекта

въ Малой Азіи. Въ апрѣлѣ 1900 г. русскій посланникъ въ Константинополѣ Зиновьевъ угрозами добивается отъ турецкаго правительства обѣщанія не допустить сооруженія какой-либо третьей державой желѣзныхъ дорогъ въ вилайетахъ Трапезунда и Эрзерума. Право сооруженія рельсовыхъ путей въ этихъ областяхъ и во всемъ бассейнѣ Чернаго моря предоставляется лишь одной Россіи. Далѣе, въ вилайетѣ Сиваса Турція имѣетъ право соорудить и эксплуатировать желѣзныя дороги лишь собственными средствами, безъ помощи какой-либо третьей державы. Итакъ, весь бассейнъ Чернаго моря и всѣ пограничныя съ русскимъ Кавказомъ области Турецкой имперіи оказываются забаррикадированными султанскимъ ираде апрѣля 1900 г., и доступъ нѣмецкимъ локомотивамъ и интернаціональному капиталу въ эти области оказывается закрытымъ. Багдадская дорога уклоняется отъ сѣвернаго направленія, параллельно черноморскому побережью, и все болѣе поворачиваетъ къ югу, остріемъ къ Персидскому заливу. Положеніе принимаетъ явно неблагопріятный характеръ для Англіи. Нѣмецкій стальной клинъ все болѣе углубляется въ тѣло Малоазіатской Турціи и начинаетъ постепенно приближаться къ Багдаду, чтобы затѣмъ дойти до Персидскаго залива. Тогда въ Англіи начинается сильная кампанія противъ Германіи, появляется рядъ книгъ и тысячи статей по поводу «германской опасности». Въ то время какъ до русско-японской войны 1904—1905 г. англійская шовинистическая пресса постоянно трубила объ опасности, угрожавшей Индіи со стороны Россіи, теперь въ той же прессѣ часто раздаются вопли объ опасности, угрожающей англійскимъ владѣніямъ со стороны имперіалистической Германіи. Съ этого момента знаменитымъ англійскимъ «тремъ К», т. е. желѣзной дорогѣ «Капштадтъ, Каиръ, Калькутта», прорѣзающей весь африканскій континентъ отъ юга до сѣвера, а оттуда идущей черезъ Багдадъ въ Индію, начинаютъ противоставлять не менѣе знаменитыя нѣмецкія «три Б».

т. е. великій рельсовой путь «Берлинъ, Бизантіумъ, Багдадъ» или что то же «Берлинъ, Багдадъ, Басра».

Между тѣмъ русская пресса поднимаетъ тревогу по поводу новой опасности, угрожающей русскимъ интересамъ въ связи съ багдадскимъ проектомъ. Правда, вмѣстѣ съ отклоненіемъ этого пути отъ нашихъ кавказскихъ границъ и черноморскаго побережья къ югу всякая опасность для Россіи въ этихъ областяхъ исчезаетъ, но то, что казалось достаточнымъ и отвѣчающимъ интересамъ Россіи въ 1900 г., оказывается теперь уже недостаточнымъ.

§ 4. Багдадская дорога и русскіе интересы въ Персіи. Русско-германскій антагонизмъ въ Средней Азіи. Потсдамское соглашеніе.

Благодаря развитію русскаго капитализма, экономическое вліяніе Россіи въ Средней Азіи и преимущественно въ Персіи растетъ въ теченіе 20 столѣтія съ необычайной быстротой. Такъ въ 1911 г. изъ внѣшняго торговаго оборота Персіи въ 990 милліоновъ кранъ [1]) на долю Россіи приходится 550.000.000 кранъ, т. е. болѣе половины всей внѣшней торговли Персіи. Россія постепенно вытѣсняетъ съ персидскаго рынка Англію, которой до начала нынѣшняго столѣтія принадлежало первое мѣсто въ персидской торговлѣ. Итакъ, Персія является очень важнымъ рынкомъ для нашей промышленности. Между тѣмъ послѣдніе годы становилось очевиднымъ, что въ Персіи русской торговлѣ грозило столкнуться въ близкомъ будущемъ съ новымъ конкурентомъ, болѣе опаснымъ при данныхъ условіяхъ, чѣмъ англійскій соперникъ. Эта опасность русскимъ экономическимъ интересамъ въ Персіи надви-

[1]) Кранъ—персидская монета, равнялась наканунѣ войны приблизительно 15—20 коп.

галась со стороны Германіи, которая съ помощью Багдадской дороги начинала угрожать гегемоніи Россіи на персидскомъ рынкѣ.

Багдадъ лежитъ на исторической дорогѣ Бассора—Керманшахъ—Хамаданъ—Тегеранъ, по которому идетъ караванный путь изъ южныхъ областей Малой Азіи и отъ Персидскаго залива къ Иранскому плоскогорію. Правда, этотъ караванный путь не могъ явиться серьёзнымъ конкурентомъ нашей кавказской рельсовой колеѣ, однако, транзитъ черезъ Багдадъ въ Персіи постепенно повышался и наканунѣ нынѣшней войны достигъ не малой для персидскаго внѣшняго товарооборота цифры въ 120 милліоновъ кранъ. Но если бы нѣмцамъ удалось осуществить ихъ планъ провести Багдадскую желѣзную дорогу до Персидскаго залива и затѣмъ соединить послѣднюю вѣткой изъ Багдада на Ханикинъ съ Тегераномъ, тогда провозъ нѣмецкихъ товаровъ морскимъ путемъ отъ Гамбурга до Персидскаго залива, а оттуда по рельсовой колеѣ къ Багдаду и затѣмъ къ Тегерану и другимъ важнѣйшимъ пунктамъ Персіи обошелся бы въ нѣсколько разъ дешевле, чѣмъ исключительно сухопутной рельсовой дорогой Петроградъ—Москва—Тегеранъ и т. д.

И нѣмецкіе капиталисты, пустившіе уже корни въ Анатоліи и различныхъ областяхъ Малой Азіи, начинаютъ завязывать связи съ Персіей и все болѣе и болѣе интересоваться судьбой послѣдней. На засѣданіи рейхстага 24 марта 1909 г. князь Бюловъ заявилъ: «Наше положеніе въ Персіи не измѣнилось. Мы не преслѣдуемъ въ этой странѣ никакихъ политическихъ цѣлей... Наши интересы будутъ охранены, если будетъ уважена независимость и неприкосновенность Персіи, и если будетъ сохранена свобода торговли».

Это заявленіе Бюлова было явно направлено противъ русскаго соглашенія 1907 г. и всей англо-русской политики, стремившейся къ утвержденію протектората обѣихъ державъ надъ Персіей. Извѣстно далѣе, какую роль играло

германское правительство въ успѣхѣ персидскаго революціоннаго движенія. Именно нѣмецкимъ оружіемъ, доставленнымъ съ большими трудностями изъ Берлина, были вооружены персидскіе фидаи (революціонеры) и бахтіары, взявшіе приступомъ Тегеранъ и стремившіеся къ превращенію Персіи въ независимое и конституціонное государство [1]), стало быть, дѣйствовавшіе наперекоръ планамъ русскихъ и англійскихъ имперіалистовъ.

Но этимъ не ограничивалась дѣятельность Германіи въ Персіи. Въ 1910 г. персидское правительство завязало переговоры съ европейскими финансистами о займѣ. И вотъ «Дейче Банкъ», столь заинтересованный въ Багдадской дорогѣ, послалъ своего делегата Сеида Руша въ Тегеранъ для предложенія персидскому правительству услугъ «Нѣмецкаго банка» въ устройствѣ займа для Турціи. Итакъ, «Нѣмецкій банкъ», имѣвшій уже серьёзную базу въ Малой Азіи, обнаруживалъ тенденцію проникнуть и въ Персію. Было очевидно, что, когда Багдадская дорога будетъ закончена, не только вся Малая Азія подпадетъ подъ вліяніе Германіи, но, кромѣ того, нѣмецкій капиталъ сумѣетъ протянуть свои щупальцы и въ Персію. Миссія делегата «Нѣмецкаго банка» въ Тегеранѣ вызвала сильную тревогу въ имперіалистическихъ кругахъ Россіи и Англіи, заинтересованныхъ въ персидскихъ дѣлахъ, и оба правительства заявили рѣшительный протестъ въ Берлинѣ противъ поползновеній «Нѣмецкаго банка» вмѣшаться въ финансовыя дѣла Персіи. Въ виду этого рѣшительнаго протеста «Нѣмецкій банкъ» вынужденъ былъ отказаться отъ своего проекта.

Но германское правительство отнюдь не намѣрено было совершенно отказаться отъ своихъ плановъ проникновенія въ Среднюю Азію. Не слѣдуетъ забывать, что,

[1]) Подробнѣе объ англо-русской и германской политикѣ въ Персіи за этотъ періодъ см. нашу статью: „Англо-русское соглашеніе и средне-азіатскій вопросъ“ въ пяти-томникѣ „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ 20 вѣка“, т. 5, стр. 224—249.

поддерживая проектъ Багдадской дороги, германское правительство боролось не только за гегемонію въ Оттоманской имперіи, но и за весь «міръ ислама», который Германія стремилась подчинить своему вліянію. Турція интересовала германскихъ имперіалистовъ не только сама по себѣ, но и какъ глава мусульманства. И не даромъ Вильгельмъ II во время своего посѣщенія Турціи въ 1898 г. произнесъ въ Дамаскѣ слѣдующія слова, которыя предназначались для всего мусульманскаго міра:

...«Пусть султанъ и триста милліоновъ магометанъ, разсѣянныхъ по всей землѣ и почитающихъ въ немъ калифа, будутъ увѣрены, что во всякій моментъ германскій императоръ будетъ ихъ другомъ».

У турецкаго правительства уже давно былъ планъ связать Турцію съ Персіей. Багдадская дорога развѣтвленіемъ Багдадъ—Ханикинъ должна была соединиться съ Тегераномъ. Абдулъ-Гамидъ велъ переговоры объ этомъ съ персидскимъ шахомъ Музаферъ-Эдиномъ. Но ни у Персіи, ни у Турціи той эпохи не было силъ осуществить этотъ проектъ, который связалъ бы два мусульманскихъ государства и далъ бы имъ возможность успѣшнѣе бороться противъ внѣшнихъ враговъ. Но то, что не было подъ силу Абдулъ-Гамиду, было гораздо легче осуществить могучей Германіи. И нѣмецкая пресса начинаетъ въ 1907 и 1910 г.г. усиленно обсуждать вопросъ о соединеніи Багдадскаго рельсоваго пути развѣтвленіемъ на Ханикинъ съ пробудившейся къ новой жизни Персіей, гдѣ для Германіи откроются блестящія перспективы усиленія своего экономическаго и культурнаго вліянія въ противовѣсъ Англіи и Россіи, теряющимъ всякій престижъ въ мусульманскомъ мірѣ. Помимо Персіи, Багдадская дорога облегчала сношеніе съ Афганистаномъ и давала возможность нѣмецкому вліянію проникнуть и въ эту страну [1]).

[1]) Описывая перспективы, связанныя съ Багдадскимъ рельсовымъ путемъ, нѣмецкая пресса неоднократно подчеркивала тотъ фактъ, что

Не будучи въ состоянiи остановить движенiе Германiи въ Среднюю Азiю, русская дипломатiя рѣшаетъ притти къ какому-нибудь соглашенiю съ нѣмецкимъ правительствомъ по вопросу объ интересахъ обѣихъ державъ на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ. На историческомъ свиданiи между русскимъ императоромъ и Вильгельмомъ II въ Потсдамѣ въ октябрѣ 1910 г. подписывается прелиминарное соглашенiе между Россiей и Германiей о Багдадской дорогѣ и Персiи. Этотъ Потсдамскiй договоръ былъ опубликованъ лишь въ августѣ 1911 г., послѣ того какъ онъ былъ подписанъ въ Петербургѣ 19 августа нѣмецкимъ посланникомъ съ одной стороны, Сазоновымъ—съ другой.

Сущность Потсдамскаго договора была формулирована германскимъ канцлеромъ на засѣданiи рейхстага 10 дек. 1911 г. слѣдующимъ образомъ: «Россiя нуждается въ особенномъ влiянiи въ сѣверной Персiи, и мы съ готовностью одобрили претензiи России на сооруженiе желѣзныхъ дорогъ, шоссейныхъ путей, телеграфныхъ линiй въ этихъ областяхъ. Съ своей стороны Россiя окажетъ содѣйствiе нашему доступу, поскольку путь лежитъ черезъ Багдадъ на Ханикинъ».

Извѣстно, что одновременно съ Потсдамскимъ соглашенiемъ Россiя увела часть своихъ войскъ съ нѣмецкой границы, и наше военное министерство приступило къ разоруженiю и срытiю нѣкоторыхъ крѣпостей въ Польшѣ. Извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ, какое сильное впечатлѣнiе Потсдамское соглашенiе произвело въ Англiи и во Францiи, гдѣ стали сомнѣваться въ прочности русско-французскаго союза.

миллiоны мусульманъ изъ Персiи, Афганистана, Британской Индiи, далѣе—Египта, Марокко, Алжира и т. д. ежегодно прибываютъ въ Турцiю на поклоненiе праху Магомета, и что, такимъ образомъ, усиливъ свое влiянiе въ Оттоманской имперiи, Германiя въ необычайной мѣрѣ усилитъ свой престижъ во всемъ мусульманскомъ мiрѣ и прiобрѣтетъ десятки миллiоновъ сторонниковъ среди подданныхъ другихъ государствъ, помимо Турцiи.

Официальныя и полу-официальныя русскія газеты «Россія», «Новое Время» и т. д. были очень довольны Потсдамскимъ договоромъ. «Новое Время»—эта газета, всегда приспособляющаяся къ правительственнымъ взглядамъ,—писала, что договоръ устраняетъ всякіе поводы къ недоразумѣніямъ между Россіей и Германіей въ Персіи, и что поэтому его нельзя не привѣтствовать. Болѣе того,—въ передовой статьѣ отъ 25 октября 1910 г., въ связи съ возвращеніемъ С. Д. Сазонова, вызваннаго въ Потсдамъ для присутствія при свиданіи русскаго и германскаго императоровъ, «Новое Время» съ гордостью писало о себѣ: «Новое Время—старый и испытанный другъ Германіи».

Само собой разумѣется, что старымъ и испытаннымъ друзьямъ Германіи не было никакой нужды подымать шумъ по поводу Потсдамскаго договора, въ особенности разъ этотъ договоръ былъ подписанъ самимъ русскимъ правительствомъ. Совершенно иначе отнеслась къ этому договору вся наша независимая либеральная пресса: «Рѣчь», «Русскія Вѣдомости», «Русское Слово», многіе органы нашей провинціальной прессы не находили словъ для выраженія своего негодованія по поводу русско-германскаго договора. Это отраженіе нашей либеральной прессы и нашей буржуазіи къ Потсдамскому договору нашло себѣ блестящее выраженіе въ рѣчи Милюкова на засѣданіи Государственной Думы въ мартѣ 1911 г. Милюковъ обвинялъ Сазонова въ томъ, что послѣдній дезорганизуетъ тройственное соглашеніе, что онъ привелъ въ полное разстройство нашу систему внѣшнихъ отношеній и поставилъ Россію на краю опасности [1]). Милюковъ доказывалъ, что цѣль потсдамскихъ переговоровъ заключалась съ нѣмецкой стороны, во-первыхъ, въ томъ, чтобы толкнуть Россію на Дальній Востокъ, въ Монголію и Ки-

[1]) См. стенографическій отчетъ о засѣданіи Государственной Думы 2 марта 1911 г.

тайскій Туркестанъ и отвлечь этимъ вниманіе отъ Ближняго Востока, во-вторыхъ, поссорить Россію съ Франціей и особенно съ Англіей. Лидеръ кадетовъ подчеркивалъ, что Россію съ Германіей связываютъ лишь династическіе интересы, и что задачи ихъ внѣшней политики совершенно расходятся. Для иллюстраціи своей мысли Милюковъ указывалъ, что Германія, пока она будетъ сильна, никогда не допуститъ владычества Россіи надъ Малой Азіей, перехода Константинополя въ руки русскихъ и скорѣе объявитъ войну Россіи, чѣмъ откажется отъ своихъ плановъ утвердить германское господство и въ Константинополѣ и въ большой части Турецкой имперіи.

Рѣчь Милюкова, отношеніе къ Потсдамскому соглашенію всей русской буржуазной прессы — за исключеніемъ нѣсколькихъ офиціальныхъ и полу-офиціальныхъ органовъ прессы, не имѣющихъ собственной точки зрѣнія и всегда защищающихъ лишь взгляды послѣдняго министра,—ясно указывали на глубокую противоположность интересовъ русскаго и германскаго имперіализма. Эти интересы такъ противоположны другъ другу, что, несмотря на династическія связи и глубокія симпатіи нашихъ реакціонныхъ круговъ къ Гогенцоллернамъ и прусскимъ порядкамъ, Россія и Германія не могли избѣгнуть серьёзныхъ конфликтовъ на Ближнемъ Востокѣ. И эта противоположность, этотъ антагонизмъ заданій русскаго и германскаго имперіализма съ особой силой сказались въ дипломатической исторіи Багдадскаго рельсоваго пути.

---

§ 5. Французская политика въ Малой Азіи.—Французскій проектъ анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Борьба русской дипломатіи противъ французкихъ рельсовыхъ плановъ.—Антагонизмъ русско-французскихъ интересовъ въ Турціи.

Изъ всѣхъ государствъ, съ которыми Германіи приходилось вести борьбу за концессіи на Багдадскій рельсовый путь, упорное противодѣйствіе Германіи оказывала только Россія. Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе двухъ другихъ государствъ, съ которыми Германіи приходилось вести переговоры по поводу своихъ проектовъ относительно Багдадской дороги, отличалось уступчивостью и обнаруживало, особенно со стороны Франціи, полную готовность удовлетворить всѣ нѣмецкія претензіи относительно Багдадской дороги въ обмѣнъ на нѣкоторыя компенсаціи.

Франція офиціально никогда не оказывала какого-либо серьёзнаго противодѣйствія нѣмецкимъ планамъ въ Малой Азіи. Неофиціально же французскій финансовый капиталъ принималъ дѣятельное участіе въ сооруженіи Багдадскаго рельсоваго пути. Болѣе того, поведеніе нѣкоторыхъ французскихъ государственныхъ дѣятелей въ багдадскомъ вопросѣ давало поводъ многимъ французамъ—какъ объ этомъ разсказываетъ Шерадамъ въ своей интересной книгѣ «Македонія. Багдадская желѣзная дорога»—разсматривать французскаго министра Рувье, какъ агента «Нѣмецкаго банка». Вѣроятно, это обвиненіе не имѣетъ за собой основаній. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что многіе французскіе финансисты работали солидарно съ германскими въ Малой Азіи, забывая при этомъ и о франко-русскомъ союзѣ и объ Эльзасъ-Лотарингіи.

Вообще же нужно сказать, что французская дипломатія сочувствовала проникновенію Германіи въ Малую Азію, поскольку увлеченіе турец-

кими перспективами отвлекало германскихъ имперіалистовъ отъ африканскихъ и прежде всего сѣверо-африканскихъ вопросовъ и ослабляло нѣмецкій напоръ на средиземныя области Африки, особенно на Марокко, къ которому медленно, но безостановочно подбиралась сама Франція съ ея захватными африканскими планами. Вообще въ турецкомъ вопросѣ и въ частности въ вопросѣ о сооруженіи рельсовыхъ путей въ Оттоманской имперіи интересы русскаго и французскаго имперіализма совершенно не совпадали. Достаточно одного примѣра для доказательства этого положенія. Многимъ памятно, какое негодованіе въ русской прессѣ возбудили переговоры въ концѣ 1911 г. между Франціей и Турціей о постройкѣ въ Малой Азіи желѣзныхъ дорогъ протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ километровъ вдоль черноморскаго побережья и недалеко отъ нашей кавказской границы. По проекту французскихъ металлургистовъ, эта новая рельсовая колея, сооруженная на французскіе капиталы и французскими сталелитейными заводами, должна была соединить: 1) Самсунъ съ Сивасомъ съ вѣткой на Харпутъ для смычки съ Багдадской дорогой; 2) Сивасъ съ Эрзинджаномъ и Эрзерумомъ; 3) Эрзерумъ съ Трапезундомъ.

Предварительный договоръ на предоставленіе французской компаніи концессіи на проведеніе этой желѣзнодорожной сѣти въ сѣверо-восточной Анатоліи былъ подписанъ 21 іюля 1911 г. въ Константинополѣ турецкимъ министромъ общественныхъ работъ Джавидъ-Беемъ и Делонейемъ, представителемъ французскаго металлургическаго треста, директоромъ новообразованной «Компаніи анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ». Эта концессія была встрѣчена восторженно во французской буржуазной прессѣ. Газета «Temps», бюллетень французской «Азіи» и другіе органы печати посвятили обстоятельныя статьи колоссальному значенію будущей желѣзнодорожной колеи для Турціи и для французскихъ интересовъ въ Оттоманской имперіи. Но совершенно иначе отнеслась къ этому проекту наша

пресса. «Новая угроза нашему положенію на Ближнемъ Востокѣ»—такъ озаглавлена одна изъ многочисленныхъ статей въ «Новомъ Времени» по поводу французской концессіи на сооруженіе анатолійско-черноморскихъ желѣзныхъ дорогъ. Съ точки зрѣнія «Новаго Времени»[1]) и другихъ русскихъ газетъ, французская анатолійская желѣзная дорога, идущая къ русской границѣ, была опаснѣе нѣмецкаго Багдадскаго пути, идущаго далеко отъ этой границы и черноморскаго побережья.

Вслѣдствіе противодѣйствія русской дипломатіи, французское правительство отказалось санкціонировать концессію, полученную Делонейемъ. Но французскій металлургическій трестъ не палъ духомъ и не отказался отъ своего плана. И вотъ, почти наканунѣ нынѣшней войны, въ апрѣлѣ 1914 г., договоръ о концессіяхъ на проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Анатоліи былъ подписанъ съ французской стороны уже не представителемъ металлургическаго треста, а представителемъ самого французскаго правительства, Думергомъ. Это былъ, по отзывамъ французской печати, самый важный изъ договоровъ, заключенныхъ когда-либо между турецкимъ и французскимъ правительствами. По этому договору французское правительство соглашалось выпустить на турецкой биржѣ заемъ въ 800 милліоновъ фр. Кромѣ займа, Франція предоставила Турціи рядъ важныхъ льготъ финансоваго характера. Во-первыхъ, Франція согласилась на повышеніе пошлинъ на 40%. Затѣмъ она согласилась на установленіе акциза или государственной монополіи на сахаръ, спиртъ, керосинъ, спички, папиросную бумагу, игральныя карты и т. д. Съ своей стороны Турція согласилась предоставить французскому правительству концессіи на проведеніе желѣзныхъ дорогъ: 1) линія Самсунъ—Сивасъ—Карпутъ—Аргана; 2) линія Аргана—Битлисъ—Ванъ съ соединительной вѣткой къ нѣмецкой Багдадской

1) См. „Новое Время“ 22 іюля 1912 г.

дорогѣ; 3) линія Трапезундъ—Эрзерумъ; 4) линія Эрзерумъ—Эрзинджанъ—Сивасъ; 5) линія Самсунъ—Сивасъ на Константинополь. Всѣ упомянутыя линіи должны быть готовы черезъ шесть лѣтъ. Достаточно взглянуть на карту Малой Азіи, чтобы понять колоссальное экономическое и военное значеніе желѣзнодорожныхъ концессій, полученныхъ Франціей въ апрѣлѣ 1914 г. Любопытно, что многія французскія газеты—напримѣръ, «Temps» въ обстоятельной статьѣ отъ 15 февраля 1914 г.—откровенно подчеркивали громадное стратегическое значеніе двухъ изъ упомянутыхъ выше желѣзнодорожныхъ вѣтвей: Эрзерумъ—Эрзинджанъ и Сивасъ—Карпутъ, не договаривая, впрочемъ, что стратегическое значеніе этихъ вѣтокъ будетъ заключаться именно въ томъ, что онѣ усилятъ военную мощь Турціи какъ-разъ на границѣ союзницы Франціи—Россіи. Но могло ли подобное соображеніе пугать французскихъ металлургистовъ, захлебывавшихся отъ восторга при одной мысли о томъ, что они въ самомъ близкомъ будущемъ сумѣютъ сбыть по самой выгодной цѣнѣ туркамъ весь необходимый желѣзнодорожный матеріалъ для сооруженія рельсоваго пути на протяженіи 2.000 верстъ въ теченіе ближайшихъ 6 лѣтъ. Французская пресса ликовала, подчеркивая, что полученная концессія мало чѣмъ уступаетъ пресловутой багдадской концессіи и рисовала блестящія перспективы въ результатѣ экстраординарной побѣды, одержанной французской дипломатіей въ мирной борьбѣ за обновленіе Оттоманской имперіи и утвержденіе въ этой части свѣта французскаго вліянія. Но хорошо извѣстно, что никакой борьбы, по крайней мѣрѣ съ Германіей, въ данномъ вопросѣ не пришлось вести, и что здѣсь произошло полюбовное соглашеніе между обѣими державами по вопросу о разграниченіи желѣзнодорожныхъ сферъ вліянія. Переговоры между Франціей и Германіей по данному вопросу начались въ концѣ 1913 г. и велись съ французской стороны г. Порсо и Сержаномъ, а съ нѣмецкой—г. Гвиннеромъ и директоромъ «Нѣмецкаго банка» Карломъ Гельферихомъ,

впослѣдствіи министромъ финансовъ, при содѣйствіи французскаго посланника въ Берлинѣ, г. Камбона и официальнаго представителя германскаго правительства г. Циммермана[1]). По договору, подписанному 15 февр. 1914 г., Франція признала за Германіей исключительное право на сооруженіе Багдадскаго рельсоваго пути, Германія же признала за Франціей монополію на сооруженіе желѣзнодорожной сѣти въ сѣверной и сѣверо-восточной Анатоліи. Однако, само собой разумѣется, что эта «побѣда французскаго вліянія» въ Турціи совершенно не пришлась по вкусу русской дипломатіи, и послѣдняя рѣшила воспрепятствовать практическому осуществленію соблазнительнаго для французскихъ капиталистовъ проекту. И нельзя не повторить, что наша кавказская армія встрѣтила бы непреодолимыя препятствія на своемъ пути, и самому Кавказу угрожала бы серьёзная опасность въ нынѣшней войнѣ, если бы французскіе рельсовые проекты 1911 и 1914 г.г. были бы приведены въ исполненіе. Но русская дипломатія, считавшая всегда русско-турецкую войну неизбѣжной въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, стремившаяся къ овладѣнію Константинополемъ и Босфоромъ, считала противорѣчащимъ русскимъ имперіалистическимъ планамъ все, что могло только содѣйствовать возрожденію Оттоманской имперіи и ея усиленію въ военномъ отношеніи, и, такимъ образомъ, не могла сочувствовать указаннымъ проектамъ.

§ 6. Англійская политика въ турецкомъ вопросѣ. — Англійскіе имперіалисты и «русская опасность».

Англійская политика по отношенію къ багдадскому рельсовому проекту и нѣмецкимъ планамъ въ Малой Азіи не отличалась той почти безграничной уступчивостью, которую обнаруживала французская политика, но во вся-

[1]) См. Ив. Гюйо. Причины и послѣдствія войны. (Les causes et les consequences de la guerre), Paris. 1915, см. стр. 212.

комъ случаѣ и англійская дипломатія неоднократно обнаруживала готовность пойти на любой компромиссъ съ Германіей въ багдадскомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, въ борьбѣ съ грандіозными германскими проектами въ Турціи Англія не обнаруживала особеннаго упрямства, и великобританская политика въ данномъ вопросѣ не держалась одной непреклонной линіи. Какъ справедливо указалъ извѣстный французскій писатель Викторъ Берарь въ своей книгѣ «Султанъ, исламъ и державы» [1]), за періодъ съ 1888 по 1904 г., т. е. до русско-японской войны, Англія четыре раза (именно съ 1888 г., въ 1893 г., въ 1903 г.) въ самые критическіе для германской дипломатіи моменты приходила последней на помощь и помогла ей получать новыя и новыя концессіи на сооруженіе Багдадскаго пути и тѣмъ усиливать германское политическое и экономическое вліяніе въ Оттоманской имперіи. Дѣйствуя такимъ образомъ, Англія мечтала создать барьеръ русскому движенію на Ближній и Средній Востокъ. Лишь съ того момента, какъ Багдадская рельсовая колея начинаетъ приближаться къ Месопотаміи и Персидскому заливу, часть англійской прессы начинаетъ бить тревогу и требуетъ отъ правительства какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ для противодѣйствія «нѣмецкому движенію на Индію». Англо-русское сближеніе 1907 г. усиливаетъ антигерманскія тенденціи въ буржуазныхъ кругахъ Англіи, но все же англійское правительство очень вяло ведетъ борьбу противъ нѣмецкаго рельсоваго проекта. Многіе государственные дѣятели Англіи и видные публицисты, какъ Гамильтонъ, Фразеръ, начинаютъ открыто высказываться въ томъ смыслѣ, что помѣшать нѣмецкой линіи дойти до Багдада нѣтъ никакой возможности. Болѣе того, какъ теперь извѣстно и какъ это подчеркнулъ, между прочимъ, извѣстный нѣмецкій соціалистъ Эдуардъ Бернштейнъ въ статьѣ, напечатанной въ

[1]) Викторъ Берарь. «Султанъ, исламъ и державы». (Victor Berarp. Le sultan, l'islam et les puissances). Парижъ, 1907 г., см. стр. 239 и др.

«Форвертсѣ» («Впередъ») отъ 14 іюля 1916 г., почти накану нынѣшней войны Англія подписала съ Германіей договоръ о Багдадской дорогѣ, удовлетворявшій почти всѣ притязанія нѣмецкихъ имперіалистовъ относительно этой желѣзнодорожной концессіи и передававшій эту дорогу въ полное распоряженіе Германіи. Англія соглашалась, чтобы дорога вполнѣ перешла въ вѣдѣніе нѣмецкой администраціи и отказывалась отъ попытокъ чѣмъ бы то ни было препятствовать успѣху нѣмецкаго предпріятія [1]).

Причина крайней уступчивости англійскаго правительства въ багдадскомъ вопросѣ понятна. Англія боялась чрезмѣрнаго усиленія дружественной Россіи и не желала содѣйствовать гегемоніи послѣдней въ Малой Азіи. Только за нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны извѣстный и очень вліятельный англійскій писатель Бакстонъ доказывалъ, что Англія должна считаться съ нѣмецкими интересами и планами въ Малой Азіи. Усиленіе нѣмецкаго вліянія въ Турціи, усиленіе, которое не перешло бы въ гегемонію, Бакстонъ считалъ очень полезнымъ для англійскихъ интересовъ въ Малой Азіи и въ Индіи, ибо съ точки зрѣнія Бакстона Германія являлась факторомъ, препятствовавшимъ опасному для Англіи проникновенію Россіи къ Персидскому заливу. Бакстонъ считалъ крайне опаснымъ для Англіи проникновеніе Россіи къ югу отъ Діарбекира и открыто высказывалъ надежду, что Германія въ интересахъ охраны

[1]) Въ той же статьѣ Эдуардъ Бернштейнъ совершенно правильно указываетъ и на отмѣченный нами фактъ, что со стороны Франціи никакихъ препятствій нѣмецкимъ рельсовымъ проектамъ въ Малой Азіи не было, и что наканунѣ войны обѣ державы пришли къ полному соглашенію по этому вопросу въ смыслѣ удовлетворенія всѣхъ нѣмецкихъ требованій. Къ сожалѣнію, въ этой статьѣ, доказывающей, между прочимъ, что со стороны Англіи и Франціи не могло быть никакихъ серьёзныхъ препятствій нѣмецкимъ рельсовымъ планамъ въ Турціи, Эд. Бернштейнъ не упоминаетъ ни словомъ о Россіи.

безопасности Багдадской дороги не позволитъ Россіи овладѣть Діарбекиромъ [1]). Такимъ образомъ, въ интересахъ сохраненія «равновѣсія силъ» въ Малой и Средней Азіи было необходимо поддерживать Германію въ качествѣ противовѣса Россіи, могущество и ростъ которой пугали многихъ англичанъ. Вообще многіе англійскіе государственные дѣятели и публицисты считали даже возможной англо-русскую войну въ недалекомъ будущемъ. Такъ знаменитый англійскій романистъ Уэллсъ, ведшій уже во время войны такую ярую кампанію противъ Германіи, какъ-разъ наканунѣ войны въ статьѣ, вошедшей въ сборникъ «Взглядъ англичанина на войну», сборникъ, опубликованный въ началѣ войны, доказывалъ, что Англія должна употребить всѣ усилія, чтобы избѣгнуть войны съ Германіей, такъ какъ исторія готовитъ-де ей борьбу бокъ-о-бокъ съ Германіей на равнинахъ Польши.

Не удивительно, что при такомъ отношеніи къ планамъ русскаго имперіализма Англія не проявляла никакой рѣшительности и твердости въ борьбѣ съ нѣмецкими желѣзнодорожными планами въ Малой Азіи, вела колеблющуюся, противорѣчивую политику въ данномъ вопросѣ. Вообще нужно замѣтить, что какъ въ Англіи, такъ и во Франціи многіе государственные дѣятели, финансисты и публицисты считали пангерманскій планъ превращенія Оттоманской имперіи въ нѣмецкую колонію неосуществимой для Германіи мечтой, именно въ силу географической отдаленности Германіи отъ Турціи и существованія между германскими и турецкими границами ряда независимыхъ государствъ—Болгаріи, Сербіи, Греціи и т. д. Въ глубинѣ души руководители внѣшней политики и въ Англіи и во Франціи были убѣждены, что единственная серьёзная опасность сохраненію Оттоманской имперіи, какъ независимаго государства, можетъ грозить въ будущемъ лишь

---

[1]) См. книгу братьевъ Бакстоновъ: „Путешествіе и политика въ Арменіи“. Лондонъ. 1914 г.

со стороны Россіи, владѣющей Чернымъ моремъ и пограничнымъ съ Турціей Кавказомъ. Между тѣмъ желательность сохраненія суверенитета Турецкой имперіи въ ея азіатскихъ владѣніяхъ и на Босфорѣ считалась до нынѣшней войны догмой англійской и французской внѣшней политики[1]). Многіе французскіе писатели, спеціалисты по вопросамъ внѣшней политики, какъ, напримѣръ, Ганото, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, далѣе Рене Пинонъ, Викторъ Бераръ и другіе, не разъ подчеркивали всю важность для Франціи, ея экономическихъ интересовъ въ Турціи, ея положенія на Средиземномъ морѣ и т. д., сохраненія цѣлостности Оттоманской имперіи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ урѣзанныхъ границахъ, которыя были опредѣлены въ результатѣ балканскихъ войнъ. При такомъ отношеніи Франціи и Англіи къ вопросу о сохраненіи Оттоманской имперіи, при такомъ опасеніи передъ послѣдствіями, которыя могло бы повлечь за собой для французскихъ и англійскихъ интересовъ окончательное распаденіе Турціи, понятна и англо-французская политика въ багдадскомъ вопросѣ. Съ распространенной во французскихъ и англійскихъ правительственныхъ кругахъ точки зрѣнія проведеніе Багдадской рельсовой колеи могло, несомнѣнно, усилить экономическое и политическое вліяніе Германіи въ Турціи, но въ то же время проложеніе желѣзныхъ дорогъ въ Оттоманской имперіи пріобщало послѣднюю къ цивилизованнымъ государствамъ, расширяло

---

[1]) Вотъ какъ Викторъ Бераръ формулировалъ за нѣсколько лѣтъ до нынѣшней войны французскую точку зрѣнія на турецкій вопросъ: „Среди всѣхъ нашихъ національныхъ интересовъ на Средиземномъ морѣ я не знаю болѣе важнаго, чѣмъ сохраненіе территоріальной неприкосновенности Оттоманской имперіи. Не случайно всѣ наши дипломаты считали Францію солидарной съ Турціей и полагали, что эта имперія должна оставаться великой имперіей для того, чтобы мы были свободной Средиземной державой“. См. „Современные вопросы иностранной политики въ Азіи“ (Les questions actuelles de la politique étrangère en Asie). Парижъ, 1910.

турецкій рынокъ и въ то же время, увеличивая военную мощь Турціи, обезпечивало въ конечномъ счетѣ ея независимость и противъ русскихъ и противъ нѣмецкихъ посягательствъ. Въ англо-германскомъ и въ франко-германскомъ конфликтахъ изъ-за Багдадской дороги мы имѣли передъ собой картину треній, неладовъ между компаньонами, иниціаторами одного и того же предпріятія, равно заинтересованными въ процвѣтаніи предпріятія, а не борьбу между конкурентами, старающимися взорвать на воздухъ самое предпріятіе противника. Въ вопросѣ о желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Турціи шла борьба не между французскими, англійскими, нѣмецкими фирмами, независимыми другъ отъ друга и старающимися уничтожить другъ друга. Нѣтъ, здѣсь скорѣе шла борьба между компаньонами, участниками одного и того же предпріятія изъ-за числа акцій или облигацій, приходящихся на долю той или другой національной группы капиталистовъ. Совершенно иначе къ вопросу о турецкомъ желѣзнодорожномъ строительствѣ относилось русское правительство. Русская дипломатія препятствовала, поскольку отъ нея зависѣло, осуществленію какихъ бы то ни было желѣзнодорожныхъ проектовъ въ Турціи. И въ этомъ отношеніи, какъ мы подчеркнули выше, русскіе и французскіе интересы въ Оттоманской имперіи не совпадали. Конечно, и до нынѣшней войны во Франціи было не мало имперіалистовъ, увлекавшихся мыслями о раздѣлѣ Оттоманской имперіи, о захватѣ Франціей Сиріи и т. д., но преобладавшая въ правительственныхъ кругахъ и почти во всей буржуазной прессѣ точка зрѣнія заключалась въ признаніи нежелательности распаденія Оттоманской имперіи, въ виду крайнихъ опасностей, связанныхъ съ этой перспективой. Вотъ почему, напримѣръ, когда началась первая балканская война, главные органы французской прессы въ отличіе отъ русскихъ органовъ печати открыто высказывали свое неодобреніе балканскимъ правительствамъ и выражали убѣ-

жденіе въ несомнѣнной побѣдѣ турокъ надъ маленькими балканскими государствами. Главный редакторъ газеты «Matin» Стефанъ Лозанъ съ восторгомъ описывалъ въ началѣ первой балканской войны въ своей корреспонденціи изъ Константинополя мощь турецкой арміи, быстроту ея мобилизаціи и т. д. и намекалъ не безъ злорадства на неизбѣжность разгрома балканскихъ государствъ. Только послѣ побѣдъ этихъ государствъ надъ турецкой арміей французская буржуазная пресса сочла за благоразумное измѣнить свой тонъ по отношенію къ балканскимъ государствамъ и перестала слишкомъ рьяно поддерживать Турцію. Вообще, до нынѣшней войны перспектива раздѣла Оттоманской имперіи не улыбалась французскому правительству. Наоборотъ, въ 1914—1916 г., когда Франція, подобно Англіи, въ награду за помощь Россіи въ нынѣшней войнѣ, за ея вѣрность союзу оказались вынужденными признать права Россіи на часть Оттоманской имперіи, правящіе круги Франціи увлекались всякаго рода мегаломанскими планами насчетъ оттоманскаго наслѣдства и пытались путемъ переговоровъ со своими союзниками обезпечить за собой жирный кусокъ турецкаго пирога. Конечно, этотъ предполагавшійся тогда окончательный раздѣлъ Оттоманской имперіи между Франціей, Россіей и Англіей и т. д. не сулилъ ничего хорошаго европейскому миру и грозилъ въ близкомъ будущемъ опасными треніями и конфликтами въ результатѣ нынѣшней «освободительной» войны. Вотъ почему многіе имперіалисты во Франціи, Англіи, Россіи опасались что нынѣшняя система союзовъ не удержится долго послѣ войны, и что тогда возможны новыя вооруженныя комбинаціи, въ которыхъ многіе нынѣшніе друзья «до гроба» сдѣлаются врагами, можетъ-быть, не на жизнь, а на смерть. Въ этомъ отношеніи крайне характерно заключеніе, которымъ Милюковъ, доказывая права Россіи на проливы, закончилъ одну изъ своихъ лекцій по вопросу о Константинополѣ: «Не надо забывать, что мы находимся наканунѣ міровой перестраховки. Суще-

ствовавшая до сихъ поръ система двухъ вооруженныхъ лагерей находится на пути къ упраздненію» [1]).

§ 7. Россія и багдадскій рельсовый проектъ.

Какъ мы сказали выше, Россія въ отличіе отъ Франціи и Англіи вела упорную и систематическую борьбу противъ багдадскаго проекта и уступала Германіи лишь постольку, поскольку русская дипломатія оказывалась неспособной собственными силами загораживать каждый разъ бревнами нѣмецкую рельсовую колею. Было легко препятствовать осуществленію французскихъ рельсовыхъ проектовъ въ сѣв. Анатоліи, но было крайне трудно, порой невозможно, мѣшать осуществленію нѣмецкихъ плановъ. Причина враждебнаго отношенія русской буржуазіи къ германскому проекту проложенія рельсоваго пути въ Оттоманской имперіи, проекту, реализація котораго сдѣлала громадные успѣхи за послѣднее десятилѣтіе, заключается въ слѣдующемъ:

1) Русское правительство всегда считало своей основной задачей по отношенію къ Турціи поддержаніе этой страны въ состояніи экономической отсталости. Многія русскія газеты откровенно подчеркивали непримиримость русско-турецкихъ интересовъ. Такъ извѣстная газета «Русское Слово»— органъ московской буржуазіи— писала по поводу Бухарестскаго мира въ статьѣ «Россія и Турція»: «Сильная Турція, стоящая прочной ногой въ Европѣ, неминуемо обратится въ опаснаго врага для Россіи, всегда готоваго въ критическій моментъ ударить на Россію съ тыла. Интересы Россіи и Турціи въ теченіе трехъ вѣковъ были противоположны, и никакое русско-турецкое сближеніе немыслимо».

---

[1]) См. „Рѣчь“ 18—IV—1915.

Между тѣмъ проложеніе въ Турціи желѣзныхъ дорогъ могло бы содѣйствовать экономическому и культурному возрожденію этой страны, превращенію ея въ сильное государство, способное не только защищать неприкосновенность своей территоріи, но и бороться съ Россіей за вліяніе въ Средней Азіи и Персіи. Русское правительство относилось враждебно къ какимъ бы то ни было желѣзнодорожнымъ проектамъ въ Турціи, все одно, являлись ли иниціаторами этихъ проектовъ французскіе, англійскіе или нѣмецкіе капиталисты. Болѣе того,—получивъ въ 1899 г. отъ турецкаго правительства концессію на предоставленіе Россіи исключительнаго права на постройку желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Анатоліи, Россія съ той поры не только не построила съ помощью русскихъ или иностранныхъ капиталовъ ни одного километра желѣзныхъ дорогъ въ Турціи, но, наоборотъ, воспользовалась этой концессіей лишь для того, чтобы не позволить союзной Франціи или дружественной Англіи приступить къ какимъ-либо желѣзнодорожнымъ постройкамъ въ этихъ областяхъ, считая такого рода попытки актами недружественными, глубоко враждебными русскимъ интересамъ.

2) Багдадскій проектъ при своемъ возникновеніи подвергся самымъ рѣзкимъ нападкамъ со стороны русской офиціальной и неофиціальной прессы. Основная идея многочисленныхъ статей, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени» и «Вѣстникѣ Финансовъ», органѣ тогдашняго министра финансовъ Витте, сводилась къ указанію на опасность, которой конкуренція Багдадской дороги будетъ угрожать Транссибирскому пути.

«Создавъ новый, болѣе короткій, а слѣдовательно, болѣе быстрый и въ большинствѣ случаевъ болѣе дешевый путь для сношенія Европы съ Азіей», — писало «Новое Время» (1900 г. № 9639),—«нѣмцы тѣмъ самымъ подорвутъ значеніе нашей сибирской магистрали».

3) Наши аграріи очень опасались, что проложеніе рельсовой колеи въ Малой Азіи и Месопотаміи дастъ воз-

можность Турціи выступить въ недалекомъ будущемъ на міровомъ рынкѣ въ качествѣ экспортера пшеницы и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ и, стало быть, въ качествѣ грознаго конкурента продуктамъ русскаго земледѣльческаго хозяйства.

4) Багдадскій рельсовый проектъ мѣшалъ успѣху грандіознаго русскаго проекта Индо-Европейскаго пути, выдвинутаго въ нашихъ офиціальныхъ кругахъ въ 1889 г. Это былъ грандіозный планъ желѣзной дороги, которая должна была пересѣчь всю Персію и, соединившись съ русскими желѣзными дорогами, связать Петербургъ сплошнымъ рельсовымъ путемъ съ берегами Персидскаго залива, съ Индіей. Какъ сообщали многіе французскіе писатели, русскій министръ финансовъ Витте неоднократно въ своихъ бесѣдахъ и переговорахъ съ англійскими и французскими государственными дѣятелями—подымалъ вопросъ о большой Трансазіатской дорогѣ, о рельсовомъ пути Петербургъ — Москва—Оренбургъ—Мервъ—Бомбей, пути, который долженъ былъ служить противовѣсомъ германской рельсовой колеѣ. Болѣе того,—по словамъ французскаго писателя Виктора Берара, именно упорное противодѣйствіе со стороны Витте осуществленію нѣмецкаго рельсоваго проекта въ Малой Азіи было одной изъ закулисныхъ причинъ немилости, въ которую впалъ нашъ тогдашній министръ финансовъ въ іюнѣ 1903 г.

5) Наконецъ, Багдадская рельсовая колея, эта стальная нѣмецкая лента, которая должна была протянуться отъ Босфора до Персидскаго залива, какъ грозная фортификаціонная линія, останавливала движеніе Россіи къ «святымъ мѣстамъ» въ Палестинѣ, къ Константинополю и Александреттѣ, къ выходу на Средиземномъ морѣ и, однимъ словомъ, мѣшала осуществленію «великихъ историческихъ задачъ» Россіи, связанныхъ съ ближне - восточнымъ вопросомъ.

---

§ 8. Соперничество Россіи и Германіи изъ-за гегемоніи въ Малой Азіи.—Россія и Арменія.—Непримиримость русско-германскихъ имперіалистическихъ плановъ въ Малой Азіи.—Германскіе страхи и опасенія.—Турецкій вопросъ и міровая война.

Изучая политику важнѣйшихъ европейскихъ государствъ въ Малой Азіи, мы приходимъ къ тому заключенію, что сведеніе всего смысла нынѣшней войны къ соперничеству между Германіей и Англіей не выдерживаетъ критики и является результатомъ поверхностнаго знакомства съ вопросомъ. Несомнѣнно, что борьба Германіи и Англіи за міровую гегемонію являлась однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ нынѣшней войны и сыграла крупную роль въ возникновеніи мірового пожара. Но на ряду съ англо-германскимъ конфликтомъ въ происхожденіи нынѣшней войны сыграло колоссальную роль соперничество Россіи съ Германіей изъ-за гегемоніи въ Оттоманской имперіи и франко-германское соперничество какъ изъ-за Африки, такъ и изъ-за желѣзныхъ рудниковъ на европейскихъ границахъ обѣихъ имперій (Вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи и бассейнѣ Бріей). И именно потому, что наканунѣ нынѣшней войны пришли въ острое столкновеніе не только имперіалистическіе планы и интересы Англіи и Германіи и Россіи, но также Германіи и Россіи, Германіи и Франціи, мы имѣли въ результатѣ не англо-германскую только, а міровую войну.

Въ частности, въ борьбѣ за Малую Азію главная роль принадлежала двумъ соперникамъ—Россіи и Германіи. Поскольку Франція и Англія приняли участіе въ міровой войнѣ, онѣ были вовлечены въ послѣднюю, главнымъ образомъ, во имя интересовъ, связанныхъ скорѣе съ другими областями земного шара, чѣмъ съ Малой Азіей.

Для капиталистической Германіи вопросъ о сохраненіи и усиленіи нѣмецкаго вліянія въ Турціи пріобрѣлъ нака-

нунѣ войны громадное значенiе. Вотъ что писалъ авторъ этихъ строкъ наканунѣ войны объ интересахъ Германiи въ Малой Азiи:

...«Имперiалистическая Германiя имѣетъ великiе промышленные и политическiе интересы въ Малой Азiи. Интересы эти настолько реальны, настолько важны, настолько связаны со всей внѣшней политикой капиталистической Германiи въ теченiе послѣднихъ десятилѣтiй, что съ ними не могутъ не соображаться правительства сильнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Попытки со стороны одной какой-либо державы или группы державъ начать раздѣлъ Малой Азiи, не считаясь съ германскими интересами въ этихъ областяхъ, могла бы вызвать войну, передъ послѣдствiями которой поблѣднѣли бы всѣ подобныя катастрофы минувшихъ вѣковъ («Великiе желѣзнодорожные и морскiе пути будущаго», см. стр. 78).

Нѣсколькими строками ниже я цитирую въ упомянутомъ трудѣ заявленiе германскаго посла въ Константинополѣ Вангенгейма на парадномъ обѣдѣ 29 янв. 1913 г. въ нѣмецкомъ клубѣ Тевтонiя:

«Германiя никогда не позволитъ Россiи оказать давленiе на Турцiю. Объ этомъ было бы наивно и думать. Для того, чтобы предоставить свободу дѣйствiй Кабинету Сазонова, Германiя никогда не согласится принести въ жертву свои интересы въ Анатолiи. Ни сейчасъ ни въ будущемъ мы никому не позволимъ наложить руки на Анатолiю».

Имперiалистическая Германiя не прочь была бы принять участiе въ раздѣлѣ Оттоманской имперiи, если бы такой раздѣлъ могъ сулить львиную долю Германiи. Между тѣмъ было очевидно, что при раздѣлѣ или распадѣ Турцiи львиная доля достанется Россiи, владѣющей Чернымъ моремъ и соприкасающейся съ Турцiей на сухопутной границѣ, затѣмъ лучшiе куски будутъ немедленно подхвачены Англiей, господствующей на Суэцкомъ каналѣ и Персидскомъ заливѣ, и Францiей, имѣющей влiянiе въ Сирiи, и только какiе-нибудь жалкiе остатки будутъ предоставлены

Германіи. Не удивительно, что имперіалистическая Германія старалась отдалить опасность, угрожавшую Оттоманской имперіи, и стремилась, наоборотъ, укрѣпить Турцію, поднявъ военныя и экономическія силы.

Было ясно, что главная опасность Оттоманской имперіи грозитъ именно со стороны Россіи. Милюковъ уже въ 1912 г. на засѣданіи Государственной Думы 13 дек. указалъ на всю важность для Россіи обладанія Турецкой Арменіей. «Положеніе армянъ въ Ванскомъ санджакѣ и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, сплошь или въ большинствѣ заселенныхъ армянами, намъ безразлично быть не можетъ»— сказалъ вождь нашей кадетской партіи. «Мѣстности эти важны и экономически, какъ рынокъ сбыта, и стратегически. Уже въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ мы не только выговорили себѣ извѣстное вліяніе въ этой мѣстности, но даже граница наша проходила значительно западнѣе той, которая установлена была на Берлинскомъ конгрессѣ, захватывая верховья Ефрата».

Понятно, Милюковъ былъ безусловно правъ, подчеркивая великое экономическое и стратегическое значеніе Турецкой Арменіи съ точки зрѣнія завоевательныхъ плановъ русскаго имперіализма. Овладѣвъ Турецкой Арменіей, представляющей собой грозную, какъ бы укрѣпленную самой природой крѣпость, Россія открывала себѣ доступъ въ остальныя части Малой Азіи, угрожала Месопотаміи и Багдадскому рельсовому пути, для защиты котораго противъ русскихъ войскъ нѣмцамъ понадобились бы громадныя военныя силы.

Вотъ что писалъ извѣстный нѣмецкій писатель Рорбахъ въ своей книгѣ «Война и германская политика», вышедшей въ свѣтъ передъ началомъ войны, о значеніи Арменіи съ точки зрѣнія нѣмецкихъ и русскихъ имперіалистическихъ интересовъ:

«Арменія по своему географическому положенію и устройству поверхности является ключомъ позиціи, дающей господство надъ Анатоліей. Такимъ образомъ, переходъ Арме-

ніи въ руки русскихъ означалъ бы не что иное, какъ конецъ существованія Турціи въ качествѣ самостоятельнаго государства».

Далѣе Рорбахъ пишетъ: «Допустимъ нежелательный и, будемъ надѣяться, невѣроятный случай утвержденія русскаго господства надъ Арменіей. Въ такомъ случаѣ Россія, владѣя Арменіей, господствовала бы надъ всей Малой Азіей отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря, подобно тому какъ крѣпость господствуетъ надъ гласисомъ. Нельзя представить себѣ позицію болѣе грозную въ отношеніи всей Малой Азіи, чѣмъ та, которой будетъ обладать Россія, объединивъ въ своихъ рукахъ Закавказье, Сѣверную Персію и Арменію. Поэтому, если намъ необходимо сохранить Турцію, то должна остаться турецкой и Арменія. А такъ какъ, въ силу политическихъ соображеній, намъ нужно поддерживать Турцію до послѣдней крайности, то мы не должны допускать, чтобы Арменія отошла къ Россіи».

Между тѣмъ, какъ мы видѣли изъ рѣчей Милюкова, русскіе либералы считали необходимымъ присоединеніе Турецкой Арменіи къ русскимъ владѣніямъ. Одна изъ причинъ недовольства нашей буржуазной прессы дальне-восточными авантюрами заключалась въ томъ, что всѣ эти монгольскія, манджурскія дѣла отвлекали вниманіе русской дипломатіи отъ Ближняго Востока. И дѣйствительно, послѣ Японской войны русское правительство начинаетъ усиленно интересоваться Балканами и Малой Азіей.

Но само собой разумѣется, что съ точки зрѣнія русскихъ имперіалистовъ захватъ Арменіи долженъ былъ явиться лишь первымъ этапомъ по направленію къ конечной цѣли—овладѣнію Константинополемъ и выходами изъ Чернаго моря на Босфоръ и Дарданеллы. Вообще же съ точки зрѣнія русскихъ имперіалистовъ дальнѣйшее существованіе Оттоманской имперіи, какъ независимаго государства, совершенно нежелательно. Какъ доказывалъ Милюковъ въ лекціи, прочитанной въ пользу союза русскихъ

городовъ, «турецкая государственность» представляетъ собой сосуществованіе организованнаго разбойничества съ государственной властью, и потому Турцію необходимо-де раздѣлить [1]). Правда, Милюковъ затруднялся, какъ примирить съ освободительными цѣлями войны явно завоевательную тенденцію, но тутъ на помощь вождю нашей либеральной партіи пришла «историческая традиція»: Россія издавна стремилась къ обладанію проливами, и потому надо осуществить, наконецъ, теперь эту тенденцію русской завоевательной политики и закончить на этомъ всѣ наши требованія къ Европѣ, тѣмъ болѣе, что процессъ роста государства неизбѣжно ведетъ насъ къ обладанію проливами.

Итакъ, изъ того, что писалось въ русской прессѣ до нынѣшней войны, изъ того, что высказывалось во время послѣдней, ясно, что наши правящіе круги, наша буржуазія, отказавшись отъ дальне-восточныхъ химеръ, рѣшили съ недавняго времени вернуться къ «историческимъ традиціямъ» русской внѣшней политики и покончить съ Оттоманской имперіей при первомъ удобномъ случаѣ. И нельзя оспаривать, что, начиная съ балканской войны, обстоятельства стали складываться необычайно благопріятно для русскаго наступленія на Ближній Востокъ. Наоборотъ, результаты этой войны вызвали сильную тревогу въ германскихъ имперіалистическихъ кругахъ, которые стали опасаться за положеніе Германіи въ Турціи. Нѣкоторые нѣмецкіе публицисты откровенно указывали, что отнынѣ все нѣмецкое зданіе, возведенное съ такимъ трудомъ въ Оттоманской имперіи, покоится на пескѣ. И князь Бюловъ, бывшій германскій канцлеръ, въ своей книгѣ «Германская политика» подчеркиваетъ, что послѣдній нѣмецкій военный законопроектъ, вотированный наканунѣ войны, мотивировался тѣмъ положеніемъ, которое создала для Германіи балканская война [2]).

---

[1]) См. «Рѣчь» 18—IV—1915.

[2]) См. въ упомянутой книгѣ главу о Турціи.

Не удивительно, что съ момента балканской войны, въ которой вся нѣмецкая и австрійская пресса увидѣли лишь результатъ интригъ русской дипломатіи, сумѣвшей создать на Балканахъ прежде всего въ лицѣ Сербіи могучій барьеръ нѣмецкому движенію на Ближнемъ Востокѣ, русско-германскія отношенія стали быстро портиться. Усиленіе военной мощи Россіи, вызывающія статьи извѣстныхъ французскихъ журналистовъ Стефана Лозана и Жюля Гейдемана во французской прессѣ, статья афериста Ржевскаго въ русской прессѣ о томъ, что въ 1917 г. Россія будетъ имѣть на военномъ положеніи армію въ 7.000.000 человѣкъ и будетъ въ состояніи тогда разбить Германію въ дребезги, рядъ статей въ русской печати, обнаруживавшихъ несомнѣнныя тенденціи нашихъ имперіалистическихъ круговъ покончить въ близкомъ будущемъ съ ближне-восточнымъ вопросомъ въ смыслѣ разрѣшенія великихъ «историческихъ задачъ» Россіи на Черномъ морѣ и въ Малой Азіи,—все это возбуждало сильную тревогу въ Германіи. Пангерманская пресса неустанно указывала на то, что Россія намѣрена при первомъ удобномъ случаѣ воспользоваться антиармянскими безпорядками, чтобы занять часть Малой Азіи своими войсками и начать раздѣлъ Оттоманской имперіи въ ущербъ германскимъ интересамъ. «Раздѣлъ Малой Азіи противъ воли или помимо участія Германіи не будетъ допущенъ»—писала «Магдебургская газета» 24 янв. 1913 г., т. е. почти наканунѣ пресловутаго нѣмецкаго военнаго законопроекта объ экстраординарномъ увеличеніи германской арміи, законопроекта, по поводу котораго «Рѣчь» пророчески писала 28 апрѣля 1913 г.: «Германія готовится къ важнымъ событіямъ не далѣе весны 1914 г.». Мы знаемъ, что «Рѣчь» ошиблась не на много. Война началась не весной 1914 г., а почти сейчасъ же послѣ весны.

И замѣчательно, что, ведя кампанію въ пользу экстраординарнаго увеличенія вооруженныхъ силъ Германіи, поддерживая правительственный проектъ своеобразной воен-

ной контрибуціи съ населенія въ формѣ единовременнаго военнаго налога въ милліардъ марокъ, подготовляя, наконецъ, страну къ идеѣ предупредительной войны, германская шовинистическая пресса съ начала 1913 г. и вплоть до взрыва европейской катастрофы, не переставая, трубила о захватныхъ планахъ Россіи въ Малой Азіи, о желаніи державъ Тройственнаго соглашенія, и прежде всего той же Россіи, урвать себѣ главную часть турецкаго пирога, наконецъ, о томъ, будто Германія стоитъ нынѣ на поворотномъ пунктѣ своей исторіи, и что поэтому страна должна поставить въ случаѣ нужды все на карту, лишь бы отстоять завоеванныя позиціи въ Малой Азіи и этимъ сохранить свою роль, какъ міровой державы.

Вообще въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ наканунѣ войны буквально дня не проходило, чтобы одинъ, другой десятокъ нѣмецкихъ газетъ не затронули вопроса о перспективахъ крушенія Оттоманской имперіи и объ опасностяхъ, связанныхъ съ этой катастрофой для Германіи, ея экономическаго будущаго, ея положенія, какъ міровой державы.

Итакъ, изъ того, что мы сказали объ имперіалистическихъ планахъ европейскихъ державъ по отношенію къ Оттоманской имперіи, мы видимъ, что «турецкій вопросъ», вопросъ о раздѣлѣ оттоманскаго наслѣдства сыгралъ крупнѣйшую роль въ происхожденіи нынѣшней міровой войны, при чемъ главными дѣйствующими лицами въ той драмѣ, которая наканунѣ войны разыгралась у постели «больного человѣка» и явилась одной изъ основныхъ причинъ міровой катастрофы, разыгравшейся въ 1914 г., были двѣ первоклассныя державы, именно Россія и Германія. Двѣ другія державы, имѣвшія крупные интересы въ Малой Азіи, именно Англія и Франція, не обнаруживали, однако, склонности обострять антагонизмъ съ кѣмъ бы то ни было изъ-за турецкаго вопроса и готовы были итти на любой компромиссъ съ Германіей, лишь бы избѣгнуть, во-первыхъ, раздѣла Турціи, во-вторыхъ, вооруженнаго конфликта изъ-

за этой области земного шара. Такимъ образомъ, поскольку рѣчь идетъ о турецкомъ наслѣдствѣ, о роли этого фактора въ міровой войнѣ, послѣдняя явилась прежде всего фатальнымъ послѣдствіемъ русско-германскаго антагонизма въ оттоманскомъ вопросѣ. Это не значитъ, что въ другихъ областяхъ міровой политики Франція и Англія обнаруживали такую же склонность притти къ какому-нибудь соглашенію съ Германіей, какую онѣ проявили, въ общемъ, въ багдадскомъ вопросѣ. Если Россія и Германія, несмотря на Потсдамскій и другіе договоры, не могли или не желали притти къ какому-нибудь серьёзному и прочному соглашенію по мало-азіатскому вопросу, Франція и Германія не могли притти къ какому-нибудь компромиссу, удовлетворяющему обѣ стороны, хотя бы, напримѣръ, по вопросу о Марокко.

Но на этой темѣ мы остановимся обстоятельно въ слѣдующей, подготовляемой нами, работѣ: «Борьба за черный континентъ и міровая война».

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Наша работа была написана болѣе года тому назадъ и уже заканчивалась печатаніемъ, когда неожиданно была опубликована нѣкоторая часть секретной дипломатической переписки между руководителями внѣшней политики Россіи и союзныхъ державъ. Мы приводимъ ниже нѣкоторые изъ опубликованныхъ документовъ, имѣющіе непосредственное отношеніе къ нашей работѣ.

Къ вопросу о Константинополѣ и проливахъ.

Пол. Арх. 14 — Копія 7. 403 спец.

Секретная телеграмма министра иностранныхъ дѣлъ послу въ Парижѣ.

7 марта 1915 года № 1265.

Ссылаясь на меморандумъ здѣшняго великобританскаго правительства 12-го марта, благоволите высказать Грею глубокую признательность Императорскаго правительства за полное и окончательное согласіе Великобританіи на разрѣшеніе вопроса о проливахъ и Константинополѣ, согласно желаніямъ Россіи. Императорское правительство вполнѣ оцѣниваетъ чувства великобританскаго правительства и увѣрено, что искреннее признаніе обоюдныхъ интересовъ обезпечитъ навсегда прочную дружбу между Россіей и Великобританіей. Давъ уже обѣщанія касательно условій торговли въ проливахъ и Константинополѣ, Императорское правительство не видитъ препятствій къ подтвержденію своего согласія на установленіе: 1) свободы транзита черезъ Константинополь товаровъ, не слѣдующихъ изъ Россіи, ни идущихъ въ Россію, а также 2) свободы прохода черезъ проливы коммерческихъ судовъ.

Дабы облегчить предпринятый союзниками прорывъ черезъ Дарданеллы, Императорское правительство готово способствовать привлеченію къ этому дѣлу, на разумныхъ началахъ, тѣхъ изъ государствъ, содѣйствіе коихъ представляется полезными Великобританіи и Франціи.

Императорское правительство вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе великобританскаго правительства, что священныя мусульманскія мѣста должны и впредь оставаться подъ независимымъ мусульманскимъ владычествомъ. Желательно выяснить теперь же, имѣется ли въ виду оставить мѣстности эти подъ властью Турціи, съ сохраненіемъ за султаномъ турецкимъ званія халифа, или же предполагается создать новыя самостоятельныя государства, такъ какъ лишь въ связи съ тѣмъ или другимъ положеніемъ Императорское правительство въ состояніи будетъ формулировать свои пожеланія. Со своей стороны Императорское правительство считало бы весьма желательнымъ отдѣленіе халифата отъ Турціи. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполнѣ обезпечена.

Императорское правительство подтверждаетъ свое согласіе на включеніе въ англійскую сферу вліянія нейтральной зоны Персіи. При этомъ, оно считаетъ, однако, справедливымъ выговорить, чтобы районы городовъ Исфагани и Іезда, составляющіе съ послѣдними одно неразрывное цѣлое, были закрѣплены за Россіею, въ виду создавшихся тамъ русскихъ интересовъ.

Нейтральная зона нынѣ врѣзывается клиномъ между русской и афганской границей и подходитъ къ самой русской границѣ у Зульфагара. Поэтому придется часть этого клина присоединить къ русской сферѣ вліянія.

Существенную важность представляетъ для Императорскаго правительства вопросъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ въ нейтральной зонѣ, каковой потребуетъ дальнѣйшаго дружественнаго обсужденія.

Императорское правительство разсчитываетъ впредь на признаніе за нимъ полной свободы дѣйствій въ отмежеванной ему сферѣ вліянія, съ предоставленіемъ ему, въ частности, права преимущественнаго развитія въ этой сферѣ его финансовыхъ и экономическихъ начинаній.

Наконецъ, Императорское правительство считаетъ желательнымъ одновременное разрѣшеніе и вопросовъ въ сопредѣльномъ съ Россіей сѣверномъ Афганистанѣ въ смыслѣ высказанныхъ на этотъ счетъ Императорскимъ министерствомъ пожеланій въ предшествовавшихъ въ минувшемъ году переговорахъ.

(Подп.) **Сазоновъ.**

Второй политическій отдѣлъ.

Справка.

Соглашеніе о Константинополѣ и проливахъ.

19-го февраля (4-го марта) 1915 года министромъ иностранныхъ дѣлъ была передана французскому и великобританскому посламъ памятная записка, въ коей было изложено пожеланіе о присоединеніи къ Россіи въ результатѣ настоящей войны слѣдующихъ территорій: города Константинополя, западнаго побережья Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ, южной Фракіи до линіи Эносъ—Мидія; побережья Малой Азіи между Босфоромъ, рѣкою Сакарія и подлежащимъ позднѣйшему опредѣленію пунктомъ Измидскаго залива; острововъ Мраморнаго моря и острововъ Имбросъ и Тенедосъ.—Спеціальныя права Франціи и Англіи въ предѣлахъ указанныхъ территорій остались бы ненарушимы.

Какъ французское, такъ и великобританское правительства изъявили свое согласіе на удовлетвореніе нашихъ пожеланій, при условіи успѣшнаго окончанія войны и удовлетворенія цѣлаго ряда притязаній Франціи и Англіи какъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, такъ и въ иныхъ мѣстахъ.

Притязанія эти, поскольку они касаются Турціи, сводятся къ слѣдующему:

Признаніе Константинополя свободнымъ портомъ для транзита товаровъ, не слѣдующихъ изъ Россіи и не идущихъ въ Россію, и свободы прохода черезъ проливы коммерческихъ судовъ.

Признаніе правъ Англіи и Франціи въ Азіатской Турціи, подлежащихъ точному опредѣленію, путемъ особаго соглашенія между Франціей, Англіей и Россіей.

Сохраненіе священныхъ мусульманскихъ мѣстъ и Аравіи подъ независимымъ мусульманскимъ владычествомъ.

Включеніе установленной соглашеніемъ между Англіей и Россіей 1907 г. нейтральной зоны Персіи въ англійскую сферу вліянія.

Признавъ эти требованія, въ общемъ, подлежащими удовлетворенію, россійское правительство сдѣлало, однако, нѣкоторыя оговорки:

Въ видахъ формулированія нашихъ пожеланій касательно священныхъ мусульманскихъ мѣстъ, необходимо теперь же выяснить, останутся

ли эти мѣстности подъ властью Турціи съ сохраненіемъ за султаномъ званія халифа, или же предполагается создать новыя самостоятельныя государства. По нашему мнѣнію, было бы желательно отдѣлить халифатъ отъ Турціи. Во всякомъ случаѣ, свобода паломничества должна быть обезпечена.

Соглашаясь на включеніе нейтральной зоны Персіи въ сферу англійскаго вліянія, россійское правительство считаетъ, однако, справедливымъ выговорить, чтобы районы городовъ Исфагани и Іезда были закрѣплены за Россіей, а также, чтобы часть полосы нейтральной зоны, врѣзающейся клиномъ между русской и афганской границей и подходящей къ самой русской границѣ у Зульфагара, — была включена въ русскую сферу вліянія.

Россійское правительство считаетъ желательнымъ одновременное разрѣшеніе вопроса о сопредѣльномъ съ Россіей сѣверномъ Афганистанѣ въ смыслѣ высказанныхъ имъ во время переговоровъ 1914 года пожеланій.

Послѣ вступленія въ войну Италіи наши пожеланія были сообщены и итальянскому правительству, и послѣднее выразило, съ своей стороны, согласіе, при условіи побѣдоноснаго окончанія войны, осуществленія итальянскихъ притязаній вообще и на Востокѣ въ частности и признанія нами за Италіей въ предѣлахъ уступаемыхъ нами территорій одинаковыхъ съ Франціей и Англіей правъ.

Справка по малоазіатскому вопросу.

21 февраля 1917 г.

Въ результатѣ переговоровъ, происходившихъ весной 1916 года, въ Лондонѣ и Петроградѣ, союзныя великобританское, французское и русское правительства пришли къ соглашенію относительно будущаго распредѣленія ихъ зонъ вліянія и территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Азіатской Турціи, а также касательно образованія въ предѣлахъ Аравіи независимаго арабскаго государства или конфедераціи арабскихъ государствъ.

Соглашеніе это въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему:

Россія пріобрѣтаетъ области: Эрзерумскую, Трапезундскую, Ванскую и Битлисскую, а равно и территорію южнаго Курдистана по линіи Муша-Сертъ — Ибнъ-Омаръ — Амалія — персидская граница. Конечной точкой русскихъ пріобрѣтеній на черноморскомъ побережьѣ явился бы подлежащій опредѣленію въ будущемъ пунктъ на западъ отъ Трапезунда.

Франція получаетъ прибрежную полосу Сиріи, Аданскій вилаетъ и территорію, ограниченную на югѣ линіей Айнтабъ—Мардинъ до будущей русской границы и на сѣверѣ линіей Ала-Дага—Кесарія—Акъ-Дага—Ильдызъ-Дагъ—Зара—Огинъ—Харпутъ.

Великобританія пріобрѣтаетъ южную часть Месопотаміи съ Багдадомъ и выговариваетъ себѣ въ Сиріи порты Кайфу и Акку.

По соглашенію между Франціей и Англіей, зона между французской и англійской областями образуетъ конфедерацію арабскихъ государствъ или независимое Арабское государство, зоны вліянія на каковое одновременно опредѣляются.

Александретта объявляется свободнымъ портомъ.

Въ цѣляхъ обезпеченія религіозныхъ интересовъ союзныхъ державъ,

Палестина со святыми мѣстами выдѣляется изъ состава Турецкой территоріи и будетъ подчинена особому режиму по соглашенію Россіи, Франціи и Англіи.

Въ видѣ общаго правила договаривающіяся державы обязуются взаимно признавать уже существовавшія до войны концессіи и преимущества въ пріобрѣтенныхъ ими районахъ.

Они соглашаются принять на себя соотвѣтствующую ихъ пріобрѣтеніямъ долю оттоманскаго долга.

Съ подлиннымъ вѣрно:

(Подпись).

Секретная телеграмма пов-му въ дѣлахъ въ Парижѣ.

Сообщается въ Лондонъ и Римъ.

11 (24) сентября 1917 г. 4225.

Ссылаюсь на Ваши №№ 947 и 952.

Объясненія, данныя Вамъ Рибо по поводу его заявленія въ Палатѣ о февральскомъ соглашеніи касательно восточныхъ границъ Франціи, *къ сожалѣнію грѣшатъ не полной искренностью* [1]. Ни въ обмѣнѣ нотъ съ Палеологомъ, ни въ словесныхъ объясненіяхъ моихъ съ Нуленсомъ не возбуждался *вопросъ о связи между этимъ соглашеніемъ и соглашеніемъ о Константинополѣ и проливахъ* [1]. Нуленсъ предложилъ мнѣ опубликовать, одновременно съ соглашеніемъ о французскихъ границахъ, договоры, заключенные до войны, т. е. собственно русско-французскую военную конвенцію. На это я замѣтилъ, что подобное опубликованіе общеизвѣстнаго договора вызоветъ въ общественномъ мнѣніи полное недоумѣніе и новыя настоянія на преданіи гласности соглашеній, заключенныхъ уже во время войны. Между тѣмъ оглашеніе оныхъ, и въ частности итальянскаго и румынскаго, признается, повидимому, нашими союзниками недопустимымъ.

Во всякомъ случаѣ мы вовсе не намѣрены создавать въ настоящемъ дѣлѣ затрудненія Франціи и ставить Рибо въ еще болѣе неловкое положеніе. Однако, во избѣжаніе въ будущемъ недоразумѣній, подобныхъ уже дважды имѣвшимъ мѣсто благодаря его сообщеніямъ въ Палатѣ, прошу Васъ офиціально заявить французскому правительству, что со стороны Россіи не встрѣчается возраженій противъ оглашенія всѣхъ вообще соглашеній, заключенныхъ какъ до, такъ и во время войны, если на это послѣдуетъ согласіе со стороны прочихъ заинтересованныхъ союзниковъ. По вопросу о малоазіатскомъ соглашеніи сообщаю Вамъ мои соображенія дополнительно въ отдѣльной телеграммѣ.

Терещенко.

12 (25) сентября 1917 г. № 4239.

Ссылаюсь на Вашъ № 947.

Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, малоазіатское соглашеніе не можетъ считаться стоящимъ особо. *Выполненіе его зависитъ отъ выполненія соглашенія о проливахъ*. Мысль эта ясно выражена въ первой телеграммѣ о нашихъ видахъ на Константинополь отъ 19 февраля 1915 года, № 937, въ заключительной фразѣ и повторена въ ме-

[1] Курсивъ вездѣ нашъ М. П.

морандумѣ о малоазіатскомъ соглашеніи, врученномъ англійскому и французскому посламъ въ Петроградѣ 4-го марта 1916 года, за № 205. Въ послѣднемъ документѣ сказано: несомнѣнно, что согласіе Россіи относительно предшествующихъ пунктовъ стоитъ въ *зависимости отъ осуществленія соглашенія между Франціей и Англіей относительно Константинополя и проливовъ* [1]).

Такъ какъ упомянутыя наши заявленія были приняты французскимъ правительствомъ безъ возраженій, то отсюда слѣдуетъ, *что малоазіатское соглашеніе не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ соглашенія о Константинополѣ и проливахъ и обратно* [1]), какія-либо измѣненія въ послѣднемъ неизбѣжно такъ или иначе должны отразиться на первомъ.

При этомъ, если согласно Рибо считать малоазіатское соглашеніе не законченнымъ, то тѣмъ менѣе у него обязательной силы.

Такой точки зрѣнія благоволите неуклонно держаться въ случаѣ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній съ французскимъ правительствомъ.

Копія въ Лондонъ.

Конецъ только для Лондона.

Текстъ телеграммы Севастопуло за № 947 сообщается Вамъ отдѣльно.

Терещенко.

Не имѣя возможности, по техническимъ условіямъ, остановиться болѣе или менѣе обстоятельно на анализѣ опубликованныхъ документовъ, укажемъ лишь, что эти документы вполнѣ подтверждаютъ нашу точку зрѣнія на вопросъ о самодовлѣющихъ цѣляхъ русскаго имперіализма. Нынѣшнюю войну нельзя разсматривать исключительно какъ войну между англійскимъ и германскимъ имперіализмомъ. Это война міровая, война, въ происхожденіи которой русскій имперіализмъ съ его грандіозными планами игралъ не менѣе видную роль, чѣмъ имперіализмъ англійскій или германскій. Даже въ сентябрѣ 1917 г., когда русская армія была совершенно обезсилена, и нѣмецкія полчища побѣдоносно наступали на наши войска, когда экономическая разруха въ имперіи съ каждымъ днемъ принимала все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры, когда каждый день затяжки войны грозилъ странѣ окончательной гибелью, русскій имперіализмъ въ лицѣ его официальнаго представителя Терещенко не желалъ отказаться отъ безумной мечты — овладѣнія Константинополемъ и проливовъ, хотя въ этотъ моментъ союзники Россіи считали уже, очевидно, и неосуществимымъ и нежелательнымъ удовлетвореніе этого требованія русскихъ имперіалистовъ.

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ М. П.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.



